ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 138 (3167) Суббота, 21 ноября 1953 г. Цена 40 коп.

ЗАВТРА — ДЕНЬ АРТИЛЛЕРИИ

Встреча боевых друзей

Завтра наша страна отмечает День артиллерии. В городах и селах, воинских частях, на флотах и флотилиях проводятся вечера, доклады, лекции о героическом пути советских артиллеристов. Слушатели и преподаватели Артиллерийской академии имени Ф. Э. Дзержинского выступили с докладами в цехах Московского автозавода имени Сталина. В библиотеке Центрального Дома Советской Армии открылась большая книжная выставка, посвященная Дню артиллерии. Такие же выставки открываются и в других библиотеках, в Домах офицеров.

Один из вечеров, посвященных Дню артиллерии, состоялся вчера в Центральном Доме Советской Армии, где молодые отличники боевой и политической подготовки встретились с героями Великой Отечественной войны. На этот вечер пришли также бывшие артиллеристы, люди, занятые сейчас мирным трудом.

...Николай Иванович Дешин при взятии Познани со своей противотанковой пушкой первым ворвался в крепость и за это был удостоен звания Героя Советского Союза. После демобилизации он вернулся на работу в торговую сеть, — заведует магазином хозяйственных товаров.

— Расчет у меня теперь состоит из семнадцати человек,— шутит он.

— Ну, и как справляетесь с боевым заданием? — смеются обступившие его молодые артиллеристы.

— После октябрьских праздников торгуем в счет плана будущего года.

Мы знакомимся еще с двумя участниками вечера — бывшими артиллеристами. Оба они с завода имени Владимира Ильича. Бывший артиллерийский техник Петр Дмитриевич Барковский работает в строгальном цехе, а бывший командир орудия Константин Сергеевич Колотушкин — в автоматно-механическом. Оба они — передовики производства и пользуются на заводе почетом. Они неустанно что-нибудь улучшают во вверенной им технике. Петр Дмитриевич, например, заменил резец, состоявший из победитовой пластинки, напаянной на стальную колодку, целым победитовым резцом, так как на больших оборотах, при обработке некоторых трудоемких деталей, старые резцы быстро выходили из строя. Раньше Петр Дмитриевич одним резцом обрабатывал 10—15 деталей, а теперь — 100—150, да и резец служит шесть-семь месяцев...

Все происходившее на этом вечере напоминало бывшим артиллеристам боевое прошлое. Молодые воины получали награды за успехи в боевой и политической подготовке. Выступали с воспоминаниями ветераны, и в речах их звучали дорогие слова «Севастополь», «Ленинград», «Сталинград»...

Советские люди чествуют славных артиллеристов, стоящих на страже мира и безопасности нашей Родины.

В БЕСЕДЕ С НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ...

Неопубликованные произведения Алексея Толстого

В ближайшие дни выйдет последний, пятнадцатый том собрания сочинений Алексея Толстого. Это издание, предпринятое Гослитиздатом еще в 1946 году, заканчивается с опозданием на три с лишним года. Чем вызвано опоздание? На этот вопрос нашего корреспондента член редакционной комиссии издания проф. А. Мясников ответил:

— Подготовка к печати последних томов, и в особенности пятнадцатого, была сопряжена с большими трудностями. Из огромного архива А. Толстого надо было отобрать все, что представляет наибольший общественный и литературный интерес. К этому обязывал и тираж издания — 40 тысяч экземпляров,— рассчитанный на широкий круг читателей.

Многие рукописи, испещренные авторскими поправками, часто почти не поддавались прочтению. Сверка их с машинописными копиями, значительно отличавшимися от рукописей, отбор вариантов, которые писатель считал наиболее законченными, также потребовали длительного и кропотливого труда. Все это и отразилось на сроках выпуска издания.

Пятнадцатый том состоит из неопубликованных художественных произведений, статей, рецензий и выступлений. Книга открывается неоконченным романом «Егор Абозов», над которым писатель работал в 1915 году. Действие романа происходит до революции, в период, который М. Горький охарактеризовал, как самое позорное и самое бездарное десятилетие в истории русской интеллигенции. В «Егоре Абозове» А. Толстой выводит именно ту часть петербургской интеллигенции, которая, отвернувшись от революции, скатилась в болото реакции. Сатирическая направленность этого произведения как бы развивает линию критического отношения писателя к декадентскому искусству, выраженную еще в его ранних вещах, а позднее продолженную в романе «Сестры».

Впервые печатаются и три пьесы А. Толстого: «Чортов мост», поставленная в 1939 году, «Делец» и «Махатма», не шедшие на сцене.

В томе напечатаны три рассказа: «Я лежу в траве», представляющий собой воспоминания детства, «Черная земля» — о русской деревне, «Пути культуры», написанный под впечатлением лета 1916 года, проведенного под Тарусой. Читатели найдут в книге оригинальную сказку «Осеннее золото», подписанную псевдонимом Мирза Тургень, под которым А. Толстой опубликовал в 1908 году ряд своих сказок, а также несколько обработанных им русских народных сказок, не вошедших в прежние издания.

В числе литературно-критических и публицистических материалов — статьи о пьесе М. Горького «На дне», о постановке «Горе от ума» в Малом театре и многие другие.

Научные труды колхозного плотника

В адрес Общества родного языка Академии наук Эстонской ССР часто приходят письма, на конвертах которых указан такой обратный адрес: «Орисааре, колхоз «Эдаси», А. Тоомессалу».

Уже несколько лет колхозный плотник с острова Саарема Ааду Тоомессалу состоит активным корреспондентом общества. Свое первое письмо он прислал с такой припиской: «Был у нас в деревне ваш научный сотрудник. Он говорил, что деревенские жители могут оказать большую помощь в изучении истории эстонского языка. Образование у меня — три класса начальной школы. Но я хочу попробовать собирать материал». Через несколько дней от него была получена тетрадь, в которой тщательно, аккуратным почерком были записаны старинные эстонские имена; о существовании многих из них научные сотрудники общества узнали впервые...

В Обществе родного языка, в Институте языка и литературы Академии наук Эстонской ССР, в Этнографическом и Литературном музеях академии можно ознакомиться более чем с тридцатью работами Ааду Тоомессалу. Здесь и собранные им старинные народные сказки, и интереснейший труд об основных чертах местного говора, и любопытнейшие этнографические материалы со множеством рисунков.

В позапрошлом году Ааду Тоомессалу побывал в 34 деревнях острова, поговорил с десятками людей и исписал не одну тетрадь. В результате появилась работа о местных диалектах. Она вызвала большой интерес в Институте языка и литературы Академии наук Эстонской ССР.

На языковедческой сессии этого института, проходившей месяц назад в Таллине, Тоомессалу прочитал доклад о своем опыте сбора материала. Доклад Тоомессалу представляет несомненный научный интерес и говорит о талантливости и больших знаниях автора.

В буржуазной Эстонии Тоомессалу не смог получить образования. Сейчас он с жадностью наверстывает упущенное: читает языковедческую литературу, книги по истории, художественную литературу. С прошлого года Тоомессалу работает председателем сельского Совета. Свободного времени у него мало, но он не оставил любимого занятия.

И попрежнему почтальон вручает научным сотрудникам Общества родного языка Академии наук Эстонской ССР конверты с обратным адресом: «Орисааре, колхоз «Эдаси», А. Тоомессалу».

Т. ТОМБЕРГ

ТАЛЛИН

Торговый словарь

Торговый словарь, рассчитанный на широкий круг работников торговли, промышленности продовольственных и промышленных товаров, будет издаваться по решению Министерства торговли СССР.

В нашей стране выпускаются товары десятков тысяч наименований. С каждым годом появляются новые виды тканей, обуви, галантерейных изделий, химикатов, продуктов питания и многое другое. Каждый вид товара требует научно разработанной классификации, уточненной терминологии, описания технических свойств. Отсутствие этого приводит к путанице в торговой практике, ошибкам в планировании и учете товаров, а также затрудняет контроль за их качеством. Все эти данные должны появиться в торговом словаре, издание которого предпринимается у нас впервые.

Министерство создало комиссию специалистов и ученых, которая должна подготовить издание торгового словаря.

Продолжим разговор о мельницах

О. КРЕТОВА,
собственный корреспондент «Литературной газеты»

— В нашем районе хорошо уродились яровые, — говорила девушка-комбайнер.— Пшеница дала по пятнадцати — восемнадцати центнеров с гектара, ячмень—до двадцати семи,— только знай, разгружай бункер. Урожай проса тоже богатый: будут колхозники с блинами и с кашей!

Мы, механизаторы, всю уборочную в поле жили. Только в непогоду иной раз на село заглянешь. Как-то в субботу задождило, работать на комбайне стало нельзя. Я решила родителей проведать. Приезжаю домой. Мама спрашивает: «Чем тебя, дочка, угостить?» Я говорю: «Испеки пирожков». Мама вдруг заволновалась.

Я сначала не поняла: у нас еще прошлогодняя пшеница осталась. Да нынче мне на трудодни зерна тонны две придется, да матери с отцом... Мама словно догадалась, о чем я думаю, и сказала:

— Зерно только птицы клюют. А чтобы хлеб испечь, нужна мука...

Я и догадалась, в чем дело. Пошла в сени, где у нас два камушка приспособлено. Скинула жакет, подвязала фартук и давай крутить. Пирогов уже не хочется... Молола, чтобы маму успокоить...

Рассказывая об этом, девушка просила меня не называть в печати ее имя.

— Совестно, — сказала она. — Меня всегда на почетной работе за штурвалом видят. А тут сижу на корточках, кручу жернов вручную. Нехорошо...

Действительно, нехорошо! Но совестно пусть будет не девушке-комбайнеру, а тем районным и областным руководителям, по чьей вине происходит подобное.

* * *

По сводке Областного управления сельского хозяйства и заготовок, в колхозах Воронежской области,— а их 1567,— числится 2382 мельницы. Как будто бы не так уж мало: полторы мельницы на каждый колхоз. Из той же сводки узнаем, что почти две трети мельниц ветряные, одна треть — механические и водяные.

Лет тридцать назад ветряная мельница была неотъемлемой частью деревенского пейзажа. Говорят, в нашей области было тысяч шесть ветряных мельниц. Как сказочные богатыри, стояли ветряки на холмах Острогожщины, высились на крутом берегу Дона...

Чтобы охарактеризовать состояние уцелевших ветряных мельниц, достаточно привести слова колхозницы из Абрамовского района — Софьи Пономаревой:

— Есть у нас в Ярках мельница об одном крылышке. Стоит, бедняжка, голосует: «Почините меня!».

Но следует ли поддерживать существование ветряков? На этот счет имеется два мнения.

Секретарь Абрамовского райисполкома тов. Зубков говорит:

— Ветряки обречены и вымрут, как мамонты. Возлагать на них какие-то надежды — значит ставить себя в зависимость от стихии, ждать милостей от природы.

Сторонники другого взгляда возражают:

— Такими милостями, как ветер, природа нас одаривает очень щедро. И не надо забывать, что это бесплатная сила. От ветряков отказываться рано: они еще сослужат немалую службу.

Второе мнение, очевидно, побеждает, потому что в последнее время в воронежских колхозах заметно стремление восстановить, привести в порядок ветряные мельницы.

Для ремонта ветряных мельниц требуется дуб или сосна высшего качества. Лес к нам обычно завозят стандартного размера— метров шести, какой укладывается на платформу, а на мельничные крылья нужен длинномерный материал в 10—12 метров, доставлять его надо на спаренных платформах. Особенно трудно получить вал. Колхозник сельхозартели имени Карла Маркса Таловского района Ананий Бочарников рассказывает:

— Прошлым летом у нас на ветряке лопнул маховой вал. Куда ни обращались, достать новый не могли. Пришлось старый сковывать: заложили четыре шпалы, стянули. Да разве это надолго?

Правда, в нынешнем году колхозу повезло: для второй мельницы он-таки достал новый вал. Мельница заново строится в хуторе Высоком, куда она перенесена из другого поселка. Здесь мне довелось наблюдать поучительную сцену.

...Близ хутора, на участке, куда будут переноситься и колхозные фермы, возвышается шестигранный сруб, напоминающий бревенчатые башни крепостных стен древней Руси. Возле него распластаны на земле не законченные сборкой крылья. Тут же лежит будущий вал. Щупленький человек раздраженно кричит другому, спокойному и степенному:

— Без меня вам все равно не обойтись! Я в четырех районах мельницы ставил. И ты мне не указывай...

— Нет, буду, Иван Никифорович, указывать,—возражает степенный.—Не сарай строим, а производство. Тебе лишь бы три тысячи шестьсот получить и уйти, а мы останемся...

— Моя специальность — редкая. И дороже запрошу — заплатите, — куражится мастер.

— Знаешь что, Шабунин, — с трудом сдерживая гнев, говорит колхозник, — ни в одном договоре не пишется, что у человека совесть должна быть. Неужто тебе это непонятно?

В этом выразительном диалоге заключен смысл, простирающийся за рамки данного случая. Специалистов по постройке и ремонту ветряных мельниц мало. Пользуясь своим исключительным положением, они «рвут» с колхозов, сколько вздумается, но далеко не всегда относятся к работе добросовестно.

* * *

Водяных мельниц числится по сводкам всего сто, а ведь на территории Воронежской области, как подсчитали географы, протекает 23 средних и 230 малых рек.

За мельничными плотинами нет бдительного надзора, нет настоящей заботы об укреплении водоспусков, поэтому после весеннего паводка водяные мельницы, как правило, стоят. Некоторые старые водяные мельницы вышли из строя потому, что ниже их за многие годы намыт песчаный нанос. Перепад исчез, вода, подточив колеса, потеряла силу. Надо произвести очистку дна. При современной технике это совсем несложно. Дело лишь за инициативой, за распорядительностью.

В других случаях, чтобы разбудить гаснущую энергию малых рек, требуются более серьезные меры. Председатель Нижнедевицкого райисполкома И. Крыгин сообщает, что на речушке Вязноватовке некогда стояло пять водяных мельниц. Теперь их нет. Сельэлектро построило на этой речке для колхоза «Серп и молот» гидроэлектростанцию и мельницу. Однако ни электростанция, ни мельница не работают.

В том же районе на реке Девице было много водяных мельниц. Сохранилось восемь. На трех установлены турбины, что потребовало их коренного переоборудования и подъема плотин. Остальные мельницы — колесные. Они уже пришли в ветхость и вот-вот станут рушиться.

Механических мельниц в колхозах области восемьсот, из них сто пятьдесят пять в прошлом году не работали. Речь идет о тех, что «заморожены» крепко-накрепко. Если же мельница день мелет, а неделю стоит, она числится в «действующих».

В большинстве своем механические мельницы—нефтяные. Простаивают они изза недостатка горючего, так как в плановом порядке оно для мельниц не отпускается. Заведующий мельницей колхоза имени Докучаева Таловского района П. Клишин говорит:

— Нефтеприпасы отпускаются на орошаемый участок. И получается: когда, на наше счастье, там пройдет дождик, мы скорей везем горючее сюда, на мельницу. Поработаем денек-другой, ферму фуражом обеспечим, и все...

— А как же с размолом зерна колхозников?

— Сплошь и рядом приходится отказывать...

Кое-где на мельницах зерно обмолачивается «давальческим» горючим: люди собирают его чуть ли не бутылками, покупая у какого-нибудь кладовщика или у шофера...

* * *

Кроме прекрасных мелькомбинатов, работающих по нарядам государства, есть в нашей области несколько десятков механических мельниц средней руки, находящихся в ведении местных Советов. Эти мельницы обслуживают население.

Вот картинка с натуры, дающая представление о том, как идет дело на одной из таких мельниц — в Абрамовке.

Осенний день, идет дождь, поэтому на мельнице сравнительно не очень «завозно». Съехались колхозники лишь трех районов: Абрамовского, Таловского и Архангельского.

Вот засыпает зерно пастух из колхоза имени Буденного Кондрат Новиков. Он с сыном выработали восемьсот трудодней и получили на них много хлеба. Следующая очередь—доярки Прасковьи Тарасенко; у нее пятьсот трудодней, она тоже привезла несколько мешков зерна. За ними идут еще человек тридцать колхозников той же артели. Люди рады, что удачно попали, не придется ждать, «пока мыши мешки прогрызут». Настроение у всех приподнятое, и даже о невзгодах своих они рассказывают весело:

— Ветряк у нас был, его бурей сломало. Движок, когда горючее есть, на животноводство мелет. Приехали сюда за двадцать пять километров. (Спасибо председателю — дал быков). В колхозе у нас восемь поселков: пока по разу все смелем, белые мухи полетят!..

Вторая группа колхозников приехала за двадцать три километра из того села Ярки, где находится «однорукая» мельница.

Артель объединяет шестьсот дворов. Если каждый из шестисот хозяев ездит за два десятка километров на мельницу, да еще ждет очереди, случается, суток трое, — сколько это составляет бесплодно потерянного времени!

* * *

В последние годы многие колхозы взялись за ремонт старых мельниц и за постройку новых. При этом им приходится преодолевать большие трудности. До войны можно было приобрести весь мельничный механизм, так называемый жерновой постав. А сейчас их в продаже нет.

Продаются искусственные жернова, выпускаемые Павлово-Посадским заводом под Москвой. Но вот в некоторых колхозах и жернова куплены, и двигатель, и здание построено, а пустить мельницу нельзя — не хватает «мелочей»: веретена, то есть вала, на котором вращается жернов, дуги, на которой устанавливается веретено, конических шестерен, подпятников. Этих мельничных деталей никто не выпускает. Приходится что-то изготовлять кустарно, что-то приспосабливать.

Потребительская система и Сельхозснаб имеют в продаже универсальные механические, полностью смонтированные мельницы с небольшими жерновами, установленными вертикально. Сначала они не пользовались популярностью, потом к ним привыкли. Но вот беда: когда жернов на такой мельнице смалывается, его негде налить.

Воронежская артель «Четвертая пятилетка» имеет некоторый опыт изготовления искусственных жерновов, но она забросила это дело, предпочитая выпускать точильные бруски.

Колхозному селу нужны разные мельницы: и ветряные, и водяные, и механические, с тепловым или электрическим двигателем. Выбор определяется экономическим состоянием колхоза и природными условиями района.

Отдавая должное доброму старому ветряку, колхозники не закрывают глаза на его недостатки: мельница эта много работает «на себя», передача на ней тяжелая, громоздкая, деревянные шестерни вращаются на малых оборотах, жернов ходит медленно.

Ветродвигатели в пять—восемь лошадиных сил, выпускаемые промышленностью, могут лишь качать воду, а чтобы приводить в движение жернов средней величины, требуется до пятнадцати лошадиных сил. Колхозы ждут от промышленности более мощных ветродвигателей по доступной цене.

Высказывается просьба направить инженерную мысль на создание портативной механической мельницы, смонтированной на автомашине. Такая мельница могла бы обслуживать мелкие поселки. Следовало бы открыть обменные пункты, где колхоз мог бы сдать зерно и получить взамен муку.

Колхозные мельницы Воронежской области обеспечивают однократный, простой помол. Вальцовку же не сыщешь днем с огнем. Колхозник, едущий в город, везет оттуда булки и бублики. А ведь уж пора все это иметь в деревне. Урожаи растут, пшеницы колхозник получает изрядно, дело за сортовым размолом, за мельницами.

Секретарь Семилукского райкома партии тов. Меньшов сообщил нам, что колхозники охотнее берут на трудодни просо, чем гречиху. Что за странное явление? Неужели крестьянин разлюбил искони русскую пищу — гречневую кашу? Ничего подобного. Дело в том, что просо сравнительно легко обработать кустарным способом — в ступе, а гречку трудно: ее надо сначала обваривать кипятком, потом сушить, а потом уже толочь...

Ныне механизируются трудоемкие процессы не только в земледелии, но и в животноводстве. А в домашнем быту колхозница еще не освобождена от ступы и даже порой от мельницы-самокрутки. Вопиющее противоречие!

Кто же отвечает за колхозное мукомолье?

В Областном управлении сельского хозяйства и заготовок до реорганизации был человек, который ведал подсобными предприятиями в колхозах. Теперь, увы, штатная единица ликвидирована и человек этот переведен на другую работу.

— Мельницы от нас отошли,— говорят в управлении.

Куда же отошли колхозные мельницы, к кому? Фактически они остались без призора.

Вопросы строительства и ремонта колхозных мельниц, снабжение их лесоматериалами, запасными частями и горючим, вопросы подбора и подготовки кадров требуют серьезного внимания. Кто же должен решать их, если не Министерство сельского хозяйства и заготовок?

ВОРОНЕЖ.

Вечера итальянской кинематографии

Вчера в Московском доме кино закончились вечера итальянской кинематографии, организованные в связи с месячником итало-советской дружбы Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей.

На первом вечере, 16 ноября, присутствовали Чрезвычайный и Полномочный Посол Итальянской Республики в СССР г-н М. ди Стефано, делегации деятелей культуры и руководящих работников общества «Италия — СССР», итальянские ученые, представители общественности Москвы, деятели советского киноискусства, писатели и журналисты. Был заслушан доклад о развитии итальянской прогрессивной кинематографии, который сделал заслуженный деятель искусств РСФСР А. Роом.

Москвичи тепло приветствовали итальянских гостей. С ответным словом выступил профессор Чиферри Раффаэле.

На вечерах итальянской кинематографии были показаны итальянские художественные фильмы: «Дорога надежды», «Неаполь — город миллионеров», «Нет мира под оливами», «Вернись в Сорренто».

Международные отклики

МНЕНИЕ НЕМЦЕВ

Немецкие демократические газеты опубликовали полностью заявление Министра иностранных дел СССР В. М. Молотова на пресс-конференции еще на прошлой неделе. Это заявление, как и Советская нота трем западным державам от 3 ноября, — попрежнему в центре внимания демократической печати. Газеты посвящают этим двум документам редакционные статьи и публикуют отклики и высказывания простых людей Германии.

Немецкая общественность единодушно поддерживает предложения Советского правительства, которые направлены на смягчение напряжения в международных отношениях и указывают путь к укреплению мира.

Комментируя заявление В. М. Молотова, демократическая печать подчеркивает, что без смягчения напряженности в международных отношениях нельзя решить и тесно связанный с этим германский вопрос.

Газета «Тэглихе рундшау» опубликовала статью председателя Народной палаты ГДР доктора Иоганнеса Дикмана «Переговоры между великими державами должны состояться!». В статье говорится, что заявление В. М. Молотова «встретило радостное сочувствие во всем мире. Попытки же правительств Запада обмануть общественность и заставить ее поверить в то, что Советский Союз делает невозможным переговоры, теперь, после выступления В. М. Молотова, потерпели полный крах. Миллионам людей стало ясно, кто в действительности торпедирует переговоры и кто боится пойти по пути переговоров и взаимопонимания».

Иоганнес Дикман критикует позицию западных держав, которые стремятся подчинить обсуждение германского вопроса не задачам восстановления единства Германии на миролюбивой и демократической основе, а задачам ускорения ее ремилитаризации. «С полной ясностью В. М. Молотов доказал, — говорится в статье, — что нельзя серьезно говорить о мирном воссоединении Германии и одновременно проводить политические и военные мероприятия, направленные на включение Германии в агрессивную систему Северо-атлантического пакта. Миллионы простых людей вполне разбираются теперь в «мирных» намерениях американской политики военных опорных пунктов».

Газета «Нейес Дейчланд» посвящает предложениям Советского Союза передовую статью «Путь к упрочению мира и международной безопасности». Советский Союз придерживается того мнения, пишет газета, что совещание пяти великих держав должно состояться для того, чтобы сделать шаг вперед в деле укрепления мира и международной безопасности. «Правительства США, Англии и Франции занимают, как известно, другую позицию. Они отклоняют обсуждение вопроса об ослаблении международного напряжения».

Западные державы, подчеркивается в передовой, не хотят «решать германскую проблему в плане мирного урегулирования. США проводят в настоящее время как раз обратную политику, которая направлена на обострение отношений, на вооружение Западной Германии и включение ее в агрессивный Северо-атлантический блок».

Об этом же пишет берлинская газета «Форвертс». «Хотя западные державы и говорят о совещании министров иностранных дел, на самом деле они не хотят созыва такого совещания», — указывает газета в редакционной статье под заголовком «Аденауэровская клика не хочет мирного воссоединения».

Комментируя заявление В. М. Молотова, газета «Нейе цейт» также подчеркивает, что «без разряжения всеобщей международной напряженности нельзя разрешить германский вопрос». Орган либерально-демократической партии Германии «Дер морген» напоминает, что Советское правительство только в течение последних месяцев трижды выступало с предложением созвать совещание, в то время как США много говорят о таком совещании, а на самом деле не хотят ни достижения соглашения, ни разряжения международной напряженности, ни мирного разрешения германского вопроса. «На пресс-конференции в Москве В. М. Молотов еще раз ясно и подробно изложил программу мира и соглашения, предлагаемую Советским Союзом»,— к такому выводу приходит «Дер морген».

Ни одна из буржуазных газет в Западной Германии не опубликовала текста Советской ноты от 3 ноября и заявления В. М. Молотова на пресс-конференции 13 ноября. Аденауэровская пресса в своих комментариях извращает эти два документа и старается изобразить дело так, будто Советский Союз отказывается от переговоров с Западом и «уклоняется» от решения германского вопроса.

Смысл этих фальшивых маневров аденауэровской клики ясен. Боннские реваншисты рассчитывают с помощью лжи и клеветы ввести в заблуждение широкие круги населения и этим облегчить себе задачу ускорения ремилитаризации Западной Германии.

Н. БЕРНИКОВ

БЕРЛИН, 20 ноября. **(По телефону)**

ЯНКИ В ЭФИОПИИ

Рис. Бор. Ефимова

В одном из недавних номеров американского журнала «Лайф» была помещена необычная географическая карта. Собственно говоря, эту карту, воспроизводящую рельеф и очертания африканского континента, даже трудно назвать географической. Она напоминает скорее чековую книжку бизнесмена, нежели творение рук географа. Рядом с названием каждой африканской страны виднеется знак доллара, за которым следует семи-восьмизначная цифра. Стоит такая цифра — 4 777 100 долларов — и над Аддис-Абебой, столицей Эфиопии.

Смысл этого лаконичного наглядного пособия вполне ясен: американскому читателю деловито сообщают, за сколько миллионов долларов Соединенным Штатам удалось прибрать к рукам ту или иную часть африканского континента, оттеснив своих «друзей» по Северо-атлантическому блоку.

Нельзя не вспомнить об этом географическом пособии для бизнесменов, изготовленном журналом «Лайф», сейчас, когда американская пресса вновь заговорила об Эфиопии.

На днях газета «Нью-Йорк джорнэл — Американ» в торжественном тоне сообщила, что министр иностранных дел Эфиопии Аклилу Хабте-Вольд и представители американского посольства в Аддис-Абебе разработали детали соглашения, по которому американские офицеры будут обучать эфиопскую армию. В начале 1954 года ожидается прибытие в Эфиопию американского военного персонала и снаряжения.

Таковы первые плоды американо-эфиопского соглашения о «взаимной помощи в целях обороны», которое, как известно, было подписано в мае этого года.

Чем же объяснить повышенный интерес правящих кругов США к далекой восточноафриканской полуколонии?

Достаточно беглого взгляда, брошенного на карту, чтобы понять значение Эфиопии как плацдарма, наглухо запирающего выход из Средиземного моря в районе Баб-эль-Мандебского пролива. Эфиопия не имела этого преимущества до сентября прошлого года. Создание федерации с Эритреей в сентябре 1952 года принесло Эфиопии прибрежную полосу Красного моря. И разумеется, американские стратеги немедленно приняли в расчет это немаловажное обстоятельство. Недаром президент Эйзенхауэр, принимая в мае 1953 года решение об оказании «помощи» Эфиопии, подчеркнул ее «стратегическое положение... во всем районе Ближнего Востока».

Не остались незамеченными и природные богатства, которые хранятся в недрах Эфиопии. Американские монополии «Ньюмонт майнинг корпорейшн», «Джозеф Лид компани» и «Майнз инокорпорейтед» захватили почти всю горнодобывающую промышленность страны. За долларовую помощь Эфиопия расплачивается концессиями на разработку полезных ископаемых.

Наступление американских монополий встретило сильное сопротивление со стороны их английских и французских конкурентов. Когда американская компания «Синклер ойл» получила концессию на разработку больших нефтяных месторождений в провинции Огаден, английская военная администрация, под контролем которой тогда находилась эта провинция, предложила американцам немедленно прекратить разведку месторождений. И лишь после того, как Огаден был передан под юрисдикцию эфиопского правительства, компания смогла возобновить работы.

Другой, не менее характерный пример. Единственная железная дорога Эфиопии, соединяющая Аддис-Абебу с Джибути, главным городом Французского Сомали, принадлежит французскому капиталу. В прошлом году Международный банк реконструкции и развития, в котором американские монополии играют первую скрипку, предоставил Эфиопии заем в размере 5 миллионов долларов для осуществления большой программы дорожного строительства. Стратегический характер этого строительства очевиден, но американцы преследуют и другую цель: они рассчитывают раздавить французских конкурентов.

Географы из журнала «Лайф» не без оснований украсили знаком доллара то место на своей карте, которое занимает Эфиопия. Семизначная цифра рядом с Аддис-Абебой на этой карте показывает, что американские монополии опутывают Эфиопию цепью долларовых подачек и займов.

Неудивительно, что правительство Эфиопии в свое время послало солдат в Корею умирать за интересы магнатов Уолл-стрита, что оно весьма благосклонно относится к плану создания «средневосточного командования», хотя агрессивные цели этого плана не вызывают ни малейшего сомнения. Неудивительно, что оно пошло на заключение военного соглашения с США, соглашения, которое ни в коей мере не служит разрядке напряженной международной обстановки на Ближнем Востоке.

ЛИТЕРАТОР

ФАРФОР ДЛЯ ВСЕХ

И. ДНЕПРОВ

Прочную и широкую славу завоевал себе русский фарфор — и у нас и за пределами нашей страны. Традиции, заложенные великим Ломоносовым и первым изобретателем русского фарфора Д. И. Виноградовым, расцвели в современном искусстве фарфора, столь любимом самыми широкими слоями народа. Но именно всеобщая популярность фарфора предъявляет к работникам фарфоровой промышленности два требования, совместить которые до сих пор почти не удавалось.

Требования эти — высокое качество и массовость. Настало время, когда фарфор должен войти в каждую рабочую и колхозную семью не только как утварь, но и как искусство. Чашка, тарелка, вазочка, выполняя свою службу, должны быть представителями прекрасного в домашней обстановке миллионов людей.

Шкатулка из слоновой кости, поражающая тонкой резьбой, создавалась художником сто дней. Может быть, столько же времени потребуется, чтобы сделать из стали прессформы для производства таких же шкатулок из пластических масс. Но, когда прессформы готовы, за несколько недель можно изготовить огромное количество этих шкатулок. Дело только в материале и технологии. Одно нажатие пресса — и во всем блеске и ажурности появляется на свет крышка, другое — и готов корпус... Наука и техника дают нам методы и материалы, позволяющие демократизировать уникальные вещи и сделать красоту достоянием всех.

I.

Можно ли найти у нас отрасль производства, где за последние годы не было бы построено ни одного современного завода; где предприятия не подверглись бы коренной реконструкции; где царила бы примитивная техника; где в течение 20 лет ни разу не выполнялись бы задания по качеству; где не налажено было бы снабжение сырьем и топливом?

На этот вопрос любой школьник ответил бы категорически: — Нет! И ошибся бы. Есть такая отрасль: фарфор. Только на двух заводах — Дулевском фарфоровом и Конаковском фаянсовом — начата была серьезная реконструкция, но она тянется уже лет пятнадцать, и конца ей не видно. Что же касается механизации, то производство фарфора стоит в этом отношении на одном из последних мест в стране.

Между тем обеспечить всех красивой посудой можно только при условии максимальной механизации фарфоровой промышленности. Здесь первое слово — за учеными и конструкторами. Есть ли у Научно-исследовательского керамического института (ГИКИ) законченная технологическая схема машинного производства фарфоровой посуды?

Чтобы ответить на этот вопрос, проследим схему производства фарфора. Прежде всего нужно приготовить фарфоровую массу. Ее приготовление механизировано очень давно — есть бегуны, мельницы, мешалки, мялки, фильтрпрессы и т. д. Институт внес и свой вклад в эту технологию: он создал отличные вибрационные сита и электромагнитные фильтры для очистки массы от мельчайших кусочков железа.

Затем идет формовка изделий — один из самых древних процессов человеческого ремесла. Институт создал полуавтоматы для формовки и для литья. Это серьезный успех: при испытаниях полуавтоматы показали возможность удвоить производительность сравнительно с ручным трудом. Однако, несомненно, жизнь потребует от конструкторов дальнейшего усовершенствования формовки.

Сушка отформованных изделий тоже ждет механизации. Институт предложил способ подсушивать изделия с помощью инфракрасных лучей, но не добился внедрения этого способа; несколько лучше пошли созданные ГИКИ механизированные сушила.

После сушки изделия подвергаются оправке. Эта операция состоит в том, что удаляют все погрешности формовки — заусеницы, неровности, дефекты поверхности. К сожалению, конструкторская мысль остановилась перед трудностью механизировать этот процесс.

Обжиг фарфора — одна из самых важных и трудных операций. До сих пор он почти всюду ведется в примитивных горнах прадедовской конструкции. Институт разработал новую, весьма совершенную тоннельную печь непрерывного действия, которая уже применяется и значительно улучшает операцию.

Для дальнейших процессов — глазуровки, сортировки, подшлифовки, полировки и, наконец, росписи, то есть операции, от которой в значительной мере зависит внешний вид фарфора,— нет ни одной прошедшей испытания машины. Здесь процветает ручной труд.

Таков сегодня «портфель» института. Есть отличные решения по одним операциям, есть замыслы по другим, но главное отсутствует комплекс машин и устройств, экспериментально проверенных и позволяющих уже сегодня перейти к машинному производству фарфора.

Преодолеть отсталость техники — это значит мобилизовать всех инициативных и опытных работников фарфоровой промышленности и смежных областей, вынести исследовательскую и конструкторскую работу за стены института — на заводы, и в тесном содружестве с практиками решать нерешенные проблемы.

II.

Однако только ли совершенная техника является условием массового производства красивого фарфора? Кроме техники, есть еще проблемы, без решения которых нельзя ждать серьезного успеха.

Прежде всего — это материалы и топливо.

Чтобы чашка, вазочка, тарелка были красивы, мало изящной росписи. Надо, чтобы совершенным было само «тело» изделия, или, как говорят специалисты, «черепок». В старинных китайских документах точно сформулированы требования к черепку: посуда «должна быть голубая, как небо после дождя в промежутках между облаками, блестящая, как зеркало, тонкая, как бумага, звонкая, как гонг, гладкая и сияющая, как озеро в солнечный день».

Что же необходимо, чтобы получить фарфор столь чудесных свойств? Прежде всего хороший каолин. Борьба за белоснежность черепка должна начинаться уже в карьере: надо отдельно выбирать из громадного пласта глины ценные слои. Но в погоне за количеством каолинкомбинаты (Просяновский и Глуховецкий) гребут все подряд!

Дело в том, что главные потребители каолина — бумажная и резиновая промышленность. На долю фарфора приходится только 10 процентов всей добычи, а для бумажной и резиновой промышленности каолин—простой заполнитель. Его цвет и чистота их не интересуют. Чтобы ускорить обогащение каолина, комбинаты начали применять щелочи и сушить массу при очень высоких температурах. В результате этого фарфоровые заводы получают каолин, перенасыщенный щелочами и во многих случаях пересушенный, то есть с резко пониженными формовочными свойствами.

Но главная беда — нестандартность каолина, разная степень пересушенности, разная не только в партиях, но часто в одном вагоне. И это сейчас — бич фарфоровой промышленности: нет возможности строить твердый режим работы в соответствии с составом сырья — применять твердую рецептуру, определенный режим обжига и т. д.

Еще хуже обстоит дело с пегматитом, горной породой, без которой невозможно получить спекшийся черепок. Пегматит составляет пятую часть сырья, потребляемого фарфоровыми заводами. И эту пятую часть никто не хочет добывать. Сейчас, когда пишутся эти строки, на одной из разработок трудятся 65 рабочих со всех фарфоровых заводов. Вручную, камешек за камешком, отбирают они пегматит для своих заводов, а нужно его тысячи тонн!.. Нетрудно представить, сколько стоит заготовленный такими «методами» пегматит и как все это отражается на работе заводов. Положение с пегматитом настолько тяжелое, что в Дулеве в трудную минуту разобрали дороги, мощенные пегматитовым булыжником.

Около трех тысяч покупок делают каждый день покупатели в фирменном магазине фарфора в Москве в Столешниковом переулке. Но далеко не всем, посетившим магазин, удается найти здесь то, что им хотелось бы приобрести.

Фото С. Васина

Проблема сырья очень беспокоит работников фарфоровой промышленности.

Все, с кем приходилось беседовать, считают бесспорным, что хозяином сырья для фарфора должен быть сам Главфарфор. Он обязан иметь собственные сырьевые предприятия с технологией, нужной для фарфоровой промышленности.

Фарфоровые заводы хронически переживают и топливные трудности. Минувшей зимой Дулевскому заводу приходилось пользоваться торфом с влажностью в 60 процентов. Нестабильность топлива губительно сказывается на обжиге. А ведь в текущем году заводы опять не обеспечены топливом!

Из недели в неделю, из месяца в месяц работники фарфоровой промышленности мечутся в поисках кондиционного каолина, сухого торфа, пегматита, глинозема и десятков других необходимых вещей.

III.

Третье существенное обстоятельство, от которого зависит развитие производства фарфора, лежит в сфере экономической. Чтобы разобраться в этом сложном вопросе, обратимся к прейскуранту цен, по которым фарфоровая промышленность до самого последнего времени продавала свою продукцию торговым организациям. Он содержал в себе ряд крупных пороков и принес немало бед нашему фарфору.

Так, прейскурант вызвал к жизни громадные массы бедно декорированного фарфора, ибо из всех видов росписи экономически поощрялся только один — так называемые «простые живописные работы», то есть рисунки, бедные по содержанию и примитивные по выполнению,— цветочки и листочки традиционных форм в надоевших комбинациях. И только потому, что они выполнены не механическим путем, а вручную, прейскурант относил их к сравнительно высоким по цене группам. В результате, «простые живописные работы» оказались самым «ходным» для заводов товаром и плохо раскрашенная посуда производилась десятками миллионов штук.

Прейскурант не стимулировал массовое применение наиболее прогрессивных способов разделки фарфора. Главная беда прейскуранта состояла в том, что оценивался не конкретный рисунок, не результат работы, а **способы**, которыми изделие декорировалось.

Совершенно игнорировал прейскурант форму изделия: одинаково расценивались менее трудоемкие стандартные формы и формы изящные — более трудоемкие. Наконец, прейскурант не позволял в широких масштабах выпускать высшие группы фарфора: богато разделанные сервизы, вазы, настенный фарфор, скульптуру и т. д. По своей трудоемкости (и, следовательно, себестоимости) высшие группы фарфора попросту не вмещались в прейскурант, и поэтому заводы выпускали свои шедевры в трех-четырех экземплярах.

Один из недостатков работы заводских художественных лабораторий состоит в пренебрежении к способам механизированной росписи. Люди тратят основное время на создание единичных выставочных изделий и не понимают, что работа для изделий, идущих миллионными тиражами, и есть главная задача художников по фарфору. Думается, что пора приравнять рисунок на фарфоре ко всяким другим видам живописи и ставить на изделии имя автора. Это серьезно повысит ответственность людей за свою работу.

Наконец, большой и очень важный вопрос — о юридическом положении фарфоровой промышленности. В нашей стране около 40 фарфоровых и фаянсовых заводов. Восемь десятых всего производства фарфора сосредоточено на семи из них — Конаковском, Будянском, Дулевском, Дмитровском, заводе «Пролетарий», Барановском и Первомайском. Они выпускают продукцию стоимостью в несколько сот миллионов рублей. Вероятно, немногие знают, что Дулевский и Дмитровский—самые крупные в Европе фарфоровые заводы, а Конаковский и Будянский — самые крупные фаянсовые.

Между тем все эти заводы находятся в системе местной промышленности. Практика минувших лет говорит о том, что местной промышленности не под силу двинуть фарфор вперед достаточно быстрыми темпами. Теперь, когда на очереди стоит коренная реконструкция фарфоровой промышленности, вопрос о ее подчинении становится еще более острым. Среди работников фарфоровых заводов все чаще раздаются голоса о том, что необходимо раз и навсегда покончить с раздробленностью фарфоровых предприятий по республиканским министерствам местной промышленности и передать основные фарфоровые заводы по принадлежности союзному Министерству промышленности товаров широкого потребления.

Фарфор — предмет народного потребления. Советский человек с его возросшими потребностями и вкусами может и должен иметь дешевый и красивый фарфор.

РЕЦЕНЗИИ на...

обед в студенческой столовой

На всю жизнь остается у человека память о студенческих годах — о днях упорной учебы, кипучей работы, о веселых, несмотря порой на житейские трудности, годах молодости. Студенческий быт имеет известные особенности, связанные с тем обстоятельством, что студент часто живет вне семьи, в общежитии. Именно поэтому так дорого ему все, что как-то напоминает дом, семью. Например, обед — каждому хочется пообедать по-домашнему: вкусно, сытно, в уютной обстановке! И к тому же дешево: ведь стипендия ограничивает бюджет студента.

Слов нет, не так-то легко совместить все эти качества — хороший вкус, питательность и дешевизну. Но, конечно, следует постоянно добиваться, чтобы студенты по доступным для них ценам получали хорошие обеды, завтраки и ужины. Однако часто качество обедов в студенческих столовых оставляет желать лучшего.

Заглянем в столовую 1-го Московского ордена Ленина медицинского института, обслуживаемую Фрунзенским трестом столовых. Шумной толпой студенты обступают меню. Но их ждет разочарование. «Опять щи со свининой!» — восклицает кто-то. Разве это плохо? — может подумать читатель. Да, плохо! Плохо потому, что «блюдо со свининой» — дежурное блюдо в этой столовой. Что бы вам ни предложили, все обязательно из свинины или со свининой. «Щи со свининой», «шницель из свинины», «свиная отбивная», даже, вопреки правилам кулинарии, «плов из свинины»...

Оставив 5—7 рублей в кассе, студент направляется (при условии, если есть свободное место) к столу, покрытому липкой клеенкой, и долго ждет сперва первых знаков внимания со стороны официантки, а затем появления первого, второго и... иногда третьего блюда,— если хватило денег. Меню столовой составлено без учета бюджета студента.

Обычно студенты «забегают» в столовую во время краткого перерыва между занятиями, им дорога каждая минута. Они сразу направляются к буфету в надежде побыстрее поесть. Но эти посещения буфета не оставляют приятных впечатлений. За выпуклой стеклянной броней прилавка — унылые кучки тертой капусты, меланхолические стайки килек, гомеопатические кусочки вареной колбасы с порцией хрена, миниатюрные комочки консервированных крабов... Все эти сомнительные деликатесы рассчитаны, очевидно, на возбуждение аппетита, в чем студенты вряд ли нуждаются, но никак не на его удовлетворение. Кроме того, все эти ярко выраженные закуски «особого назначения» выглядят несколько неуместно в таком трезвом учреждении, как студенческая столовая.

Многие из посетителей в бесчисленный раз задают вопрос, почему в буфете нет кефира, сметаны, молока, простокваши, вареных яиц, пирожков с мясом? Почему ни в столовой, ни в буфете нет горячих сосисок, сарделек, пельменей? Почему не готовят разнообразные каши? Все эти блюда достаточно дешевы и вкусны и, несомненно, пользовались бы успехом у студентов. Но, несмотря на все претензии посетителей и общественности института, буфет с изумительным упорством продолжает предлагать студентам разные дорогие и притом невкусные блюда. Быть может, это удивительное постоянство объясняется тем, что сбыт дорогостоящих продуктов дает формально высокие показатели работы столовой, но нельзя забывать, что столовая предназначена для студентов.

Коллективный корреспондент «Литературной газеты» — редакция многотиражной институтской газеты «За медицинские кадры»

***

Обеды в столовой № 25 Нагорного треста столовых гор. Горького, которая обслуживает студентов Горьковского политехнического института достаточно дешевы: за 3—4 рубля можно получить обед из трех, даже четырех блюд. Но вот о разнообразии и вкусовых достоинствах многих блюд надо серьезно поговорить.

Один из обычных для этой столовой обедов — борщ с мясом, гуляш с вермишелью, блинчики и кисель.

Разберем качества одного только блюда — борща. Кажется, все в нем есть — и свекла, и капуста, и мясо. И все же чего-то не хватает,— может быть, навара или приправы, аромата или свежести домашнего борща. Ведь вот когда студенты иногда готовят сами, то борщ получается такой, что сразу вспоминаешь родной дом, семью, обеды, приготовленные мамой. И обходится это не дороже, чем в столовой.

Очень однообразно кормят в нашей столовой. Мало овощных блюд, почти нет фруктов, редки рыбные и молочные блюда. Происходит это главным образом потому, что Нагорный трест столовых не считает нужным учитывать, что столовая обслуживает студентов, и не отдает никакого предпочтения этой столовой при выборе ассортимента продуктов. Вот и получается, что роль основного продукта в столовой играет вермишель.

Столовые, которые обслуживают студентов,— это обычные столовые третьего разряда, с обычными наценками на продукты питания. Не пора ли сейчас поставить вопрос о создании таких вузовских столовых, где студенты всегда могли бы найти богатый ассортимент блюд по вполне доступным для них ценам?

Группа общественного контроля за студенческими столовыми Политехнического института имени Жданова

г. ГОРЬКИЙ

По следам неопубликованных писем

Читательница «Литературной газеты» А. Юдина написала в редакцию о плохом культурно-бытовом обслуживании рабочих поселка Ударный (Сахалинская область). Из Сахалинского обкома КПСС в редакцию сообщили, что вопрос этот был обсужден Углегорским горкомом КПСС и исполкомом городского Совета. Сейчас в поселке отремонтированы клуб, ясли и больница, заканчивается строительство детского сада, в ближайшее время будет введен в эксплуатацию водопровод.

◇

Читатель Ф. Горковенко написал в редакцию «Литературной газеты» о серьезных недостатках учебно-воспитательной работы и нарушениях финансово-хозяйственной дисциплины в специальном ремесленном училище № 3 г. Сталинабада.

Письмо было направлено в Главное управление профессионального образования Министерства культуры СССР.

Как сообщил редакции начальник Управления профессиональных училищ и школ Урала, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии С. Карцев, письмо проверяли представители Главного управления профессионального образования Министерства культуры СССР, совместно с представителями республиканских организаций. Большинство фактов, изложенных в письме, подтвердилось.

Приказом министра культуры Таджикской ССР директору ремесленного училища Ерназарову объявлен строгий выговор; старший бухгалтер Кузнецов и помощник директора по культурно-массовой работе Бухтояров с работы сняты.

◇

Читатель «Литературной газеты» тов. Виноградов в письме в редакцию сообщил, что на улицах Челябинска нередко бросаются в глаза неграмотные объявления и рекламы. Считая это недопустимым явлением, особенно для такого большого и культурного города, как Челябинск, автор просил редакцию обратить на это внимание местных организаций.

Редакция направила этот сигнал председателю Челябинского горисполкома. Горисполком сообщил редакции, что приняты меры для наведения порядка в оформлении уличных объявлений и реклам. Руководству городской конторы «Горсправка» предложено внимательно проверять текст поступающих от учреждений объявлений и не допускать к расклейке материалы, небрежно оформленные и содержащие ошибки.

Сергей МИХАЛКОВ

Ревизоры поневоле

Комедия в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Лаптев, Русаков, Чувайло, Единица, Администратор, Дежурная, Ревизор.

Действие происходит в гостинице небольшого города.

Номер в гостинице. Ночь. Слабый лунный свет, проникающий через подернутое морозными узорами окно, тускло освещает комнату. В полумраке угадываются предметы обстановки: посередине комнаты стол, несколько стульев, платяной шкаф и три кровати.

После небольшой паузы с одной кровати раздается глубокий вздох и чей-то мужской голос глубокомысленно произносит: «Да-а-а-а... дела-а-а...». Другой мужской голос, с другой кровати, бодро отвечает: «А чем плохо, Афанасий Иванович? Тепло и не дует!». На это первый голос неопределенно отвечает: «Так-то оно так, Иван Петрович... Что верно, то верно...» В темноте чиркает спичка. Тот, которого зовут Афанасием Ивановичем, закуривает.

Лаптев (*помолчав*). Закурить и мне, что ли, на сон грядущий? Киньте-ка мне спички, Афанасий Иванович!

Русаков. Ловите!.. Поймали?..

Лаптев. Благодарю. Поймал.

Русаков. Интересно, который сейчас час?

Лаптев (зажигает спичку, берет со стола ручные часы, смотрит). Три часа ночи. (Закуривает папиросу).

Русаков. Быстро время идет.

Лаптев. Да, два часа назад мы еще сидели в вагоне и вы гадали, где и как нам придется ночевать эту ночь.

(Некоторое время оба молча курят).

Русаков (после паузы). Нет, что ни говорите, а в моей практике это первый случай.

Лаптев. Что именно?

Русаков. Чтобы вот так, как мы с вами сегодня, приехать в незнакомый городишко, за тыщу верст от Москвы, вылезти ночью на пустой вокзал, ни на что не рассчитывая, добраться до единственной в городе гостиницы, и тут же, безо всяких хлопот получить теплый номер с удобствами. Откровенно вам говорю, со мной такого еще не случалось! Я уже приготовился просидеть всю ночь до утра в каких-нибудь креслах или даже на том же вокзале в зале ожидания. И вдруг такое чудо из чудес!

Лаптев. Никакого чуда! Я же с дороги дал телеграмму в гостиницу, просил забронировать номер. Вот они и забронировали. А вам, Афанасий Иванович, просто повезло, что мы с вами в пути познакомились.

Русаков. Ну, об этом что говорить! Об этом я уж и не говорю! Как только вы о квадратно-гнездовом методе заговорили, я сразу понял: наш брат, агроном! Вот сейчас по соседству лежим, а нам бы теперь еще по соседству работать! Мне — в одной МТС, вам — в другой!

Лаптев. Завтра явимся по начальству, посмотрим, что нам предложат. Все может быть...

(Небольшая пауза. Оба молча курят. В темноте вспыхивают огоньки папирос).

Лаптев (*помолчав*). Где это капает?

Русаков. Кран в умывальнике протекает.

Лаптев. Попробовать, что ли, подкрутить...

(Встает, подходит к умывальнику).

Русаков (не сразу). Ну, как? Подкрутили?

Лаптев. Нет. Не подкручивается. Все хозяйство менять надо.

Русаков. А капать перестало.

Лаптев. Я его носовым платком обвязал.

(Возвращается. Ложится).

Русаков (после паузы). Ну, что ты будешь делать? Из головы у меня не выходит, как это мы «безо всякого Якова» в этот номер попали! Явились ночью, разбудили дежурного, а он нам вместо того, чтобы спросонья прорычать: «Мест нет!», наилюбезнейшим образом: «Будьте любезны! Номерок ждет!». Да еще сам проводил, сам дверь ключиком открыл.

Лаптев. Вы ему паспорт подаете, а он не берет! «Ничего,—говорит,—не беспокойтесь! Завтра мы все оформим! Спокойной ночи!»... Как вам это нравится?

Русаков. Мне нравится. Да как-то удивительно...

Лаптев. Не понимаю, чему вы удивляетесь? Ну, посудите сами: во-первых, у человека болели зубы, он, может быть, с трудом заснул, а мы его разбудили, так что заниматься сейчас, ночью, нашими паспортами ему просто не хотелось. Во-вторых, он видит: люди с дороги устали, и потом люди, безусловно, приличные,— можно с оформлением документов и до утра подождать.

Русаков. А ужин?

Латпев. Что — ужин?

Русаков. А ужин вас тоже не удивил? Коньяк и все прочее... Я понимаю, что вы могли заказать по телеграфу номер, но ужин-то вы не заказывали?

Лаптев. Ужин я, действительно, не заказывал, но я объясняю это просто...

Русаков. Чем вы это объясняете?

Лаптев. При гостинице работает ресторан...

Русаков. Я это допускаю.

Лаптев. Администрация гостиницы, получив мою телеграмму, знала, что гражданин, забронировавший этот номер, может приехать поздно ночью и, весьма вероятно, захочет есть. А ресторан закрывается в час ночи. Была проявлена забота о человеке: администрация гостиницы попросила администрацию ресторана приготовить в номере на всякий случай холодный ужин.

Русаков. И поставить бутылку коньяку?

Лаптев. И поставить бутылку коньяку!

Русаков. Почему именно коньяку, а не водки, не вина, не пива?

Лаптев. Э-э-э, батенька! Это уже коммерция! На коньяк, видно, здесь любителей маловато. Здесь ведь не Москва! Да и дороговато! А приезжий человек, да еще ночью, с мороза, чего не выпьет?! Нет, что вы ни говорите, Афанасий Иванович, а приятно почувствовать проявление заботы о тебе со стороны совершенно незнакомых людей! Я, честное слово, не понимаю, что вас так смущает?

Русаков. Если хотите знать, больше всего меня смущает этот холодный ужин!

Лаптев. А чем он вас смущает? Все было свежее: колбаса, сыр, шпроты... И коньяк — армянский! Завтра утром заплатим по счету и поблагодарим хозяев за гостеприимство.

Русаков. Странное гостеприимство! Как бы до утра не случилось с нами еще какого-нибудь конфуза! Что если этот номер и этот ужин были приготовлены не для нас с вами, а для какого-нибудь приезжего вышестоящего лица? Может, администратор со своей зубной болью, да еще спросонья, не разобрал, да и впустил не того, кого следует в этот «люкс»? А мы еще и чужой коньяк выпили и все закуски съели! Что вы на это скажете, Иван Петрович?

Лаптев. Ну... Не думаю... Откуда вы это взяли?

Русаков. А чорт его знает, откуда я это взял! Просто со мной никогда такого не приключалось, чтобы меня в таких городах с таким сервисом встречали! А с вами разве такое часто бывало?

Лаптев. В первый раз. Но ведь когда-нибудь должны же и нас, простых смертных, встречать по-человечески? Может, оно пришло, время-то? Теперь ведь всюду говорят и пишут о культурном обслуживании, о торговле, о порядках в гостиницах, в ресторанах... Одним словом, Афанасий Иванович, вы, как я вижу, скептик, а я — оптимист! Давайте спать! Утро вечера мудренее!

(Дверь в комнату неожиданно отворяется. На пороге номера возникает человеческая фигура. Щелкает выключатель. Мутноватая люстра со стеклянными подвесками и одной перегоревшей лампочкой тускло освещает убранство комнаты. На стене висит копия с картины Васнецова «Богатыри». У стены, возле двери, раковина умывальника с краном, обвязанным носовым платком. Справа от нее на стене, в рамке — «Правила внутреннего распорядка». На столе поверх красной бархатной скатерти накрыта белая. На столе пустая коньячная бутылка и грязная посуда с остатками ужина. На двух никелированных кроватях, под одинаковыми одеялами, лежат двое мужчин в пижамах. Третья кровать пустая. Один из мужчин с большой русой бородой. Приподнявшись на своих кроватях, они с удивлением смотрят на вошедшего в комнату администратора гостиницы, небольшого человечка с щекой, подвязанной черным платком).

Администратор (повернув выключатель). Кто вы такие, граждане приезжие? Как вы сюда попали?

Русаков. Странный вопрос. Не вы ли сами нас сюда впустили?

Администратор (держась за щеку). Попрошу вас, граждане приезжие, освободить номер!

Лаптев (возмущенно). Почему? На каком основании? Я просил забронировать мне номер! Я давал телеграмму. Вы же получили мою телеграмму!

Администратор. Ничего я не получал. Ничего я не знаю.

Русаков. Ну вот вам, Иван Петрович, и конфуз! Кто был прав?

Лаптев (администратору). Вы сами предложили нам этот номер.

Администратор. Гражданин приезжий! С моей стороны произошла ошибка. Этот «люкс» занят другим лицом!

Русаков. Мы же в него въехали не самовольно? В конце концов, почему вы с нами так разговариваете?

Администратор. Я вас не оскорблял, гражданин приезжий! Я вас по-хорошему прошу: освободите номер!

Русаков (Лаптеву). Будем одеваться?

Лаптев. Я этого так не оставлю. Я буду жаловаться!

(Администратор только теперь замечает, что ужин съеден).

Администратор (в ужасе). Что? И ужин съели?

Лаптев (стараясь быть спокойным). И коньяк выпили. Кто с нас получит?

Администратор. Господи! Ну, и народ! Ну, и народ! С меня же голову снимут! Ох, народ!

(Стремительно выбегает из комнаты. Лаптев начинает одеваться).

Русаков. Чуяло мое сердце!

Лаптев. У вас не сердце, а прямо какой-то вещун!

Русаков. Чудес, как известно, не бывает! (Усмехнувшись). Забота о человеке... культурное обслуживание... гостеприимство... Все это есть, да не про нашу честь!

(Входят администратор и дежурная с подносом. На нем бутылка коньяку и тарелки с холодными закусками, хлеб. Дежурная молча ставит все на стол, накрывает салфеткой, забирает грязную посуду и выходит).

Администратор. Граждане приезжие! Я же вас просил, как сознательных! Освобождайте номер! Вы меня режете! Мне с вокзала звонили — едут!

Русаков. Скажите лучше, где вы нас намереваетесь поместить? Мы спать хотим. Нам тоже номер нужен!

Администратор. Номеров у нас нет. Нет у нас номеров.

Русаков. Ни одного номера?

Администратор. А откуда им быть? У нас половина всех номеров постоянными жильцами занята. По запискам горсовета люди живут. По пять лет живут.

Лаптев (робко). А койки у вас есть?

Администратор. И коек нет. Ничего у нас нет.

Лаптев (администратору). Как же нам быть?

Администратор (пожав плечами). Я не знаю, как вам быть. Откуда я знаю.

Лаптев. Вы понимаете, что нам негде ночевать! Мы никого в этом городе не знаем. И потом сейчас четвертый час ночи.

Русаков. Может быть, в городе есть другая гостиница?

Администратор (держась за щеку). Нет. Строят. Третий год строят.

Русаков. Ну что ж, выходит по-моему, надо возвращаться на вокзал и ночевать в зале ожидания.

Лаптев. Я никуда отсюда не пойду! Пусть где хотят устраивают! (Администратору). Вы слышали? Мы никуда из вашей гостиницы не уйдем. Номер мы вам освободим, но ночевать вы нас должны устроить. Мы приехали к вам сюда за тыщи верст не гулять, а работать! Мы специалисты. Агрономы! Где вы нас устроите?

Администратор. Гражданин приезжий!..

(Хочет что-то сказать, но, услышав звонок, выбегает).

(Входит дежурная. В руках у нее постельные принадлежности).

Лаптев. Мы ошиблись. Мы думали, у вас тут действительно гостеприимный народ, а у вас, оказывается, вот как встречают...

Дежурная. Народ тут не при чем. Тут начальство при чем. Ревизора ждут. Третьи сутки номер пустым держат. Ждамши-то, все очи проглядели! Они ждут, а он все не едет. А вот теперь, кажись, приехал.

Лаптев. Ревизор? Ну, тогда понятно. Вопросов больше нет.

(Доносятся голоса. В комнату входят Администратор, за ним Чувайло, полный, краснощекий мужчина в черной шубе с каракулевым воротником и такой же шапке-ушанке. Следом за ними появляется Единица. Он ставит у стены чемодан приезжего).

Чувайло (добродушным басом). Здравствуйте, товарищи! (Администратору). Куда же вы меня привели? Тут же занято. Тут люди живут. (Видит третью кровать). Впрочем, одна кровать, кажется, свободна?

Единица (угодливо). Одну минуту! Одну минуту! Не извольте беспокоиться. Это специально ваш номер! (Администратору). В чем дело? В чем дело? Я же звонил. Предупреждал! Указание товарища Пяткина...

Администратор. Номер освобождается. Граждане приезжие выезжают.

Чувайло. А куда же они выезжают? Товарищи, вы что, действительно освобождаете номер?

Русаков. Действительно.

Лаптев. Как видите.

Чувайло. Надеюсь, не из-за меня?

Русаков. Из-за гражданина администратора. Он нас по ошибке сюда пустил.

Чувайло. А разве втроем мы здесь не разместимся?

(Смотрит на администратора).

Единица. Вам одному будет удобнее. Товарищей устроят. Вы не беспокойтесь.

ИДЕЯ И МАСТЕРСТВО

Если в одном из толстых журналов появится хороший рассказ, он почти наверняка будет замечен и оценен критикой. Разумеется, это уже достижение: два-три года назад трудно было вообще говорить о рассказе в толстом журнале, а о чутком и оперативном критическом отклике на него — и того труднее. Но к рассказу у нас не изжито еще несколько недоверчивое отношение: можно ли, дескать, вообще требовать от этого жанра чего-нибудь значительного, глубокого, проблемного?

Остатки этого былого недоверия критики проявляются и в том, что она редко обращает внимание на рассказы, напечатанные в тонком массовом журнале, например в «Огоньке». Между тем без преувеличения можно сказать, что основная масса рассказов идет к читателю со страниц «Огонька». В номерах этого года опубликовано свыше четырех десятков рассказов — намного больше, чем за то же время в «Новом мире», «Звезде» и «Октябре», вместе взятых.

На страницах «Огонька» в текущем году появились рассказы, привлекшие внимание читателя как интересной постановкой темы, так и своими литературными достоинствами. Некоторые из них заслуживают, несомненно, и отдельного обстоятельного разбора. Хотелось бы поговорить о тех общих недостатках, которые характерны для целого ряда рассказов, напечатанных в журнале.

Одним из главных недостатков, снижающих, а часто и разрушающих впечатление от всей вещи, является неясность, неточность, непродуманность сюжетной линии.

Иной раз автор не замечает, как идея, вдохновившая его перед началом работы, расходится на деле с объективным смыслом нарисованной картины.

Примером такого неряшливого отношения к сюжету может служить рассказ П. Шебунина «Неинтересный человек» («Огонек», 1953, № 19). Молодой журналист Щеточкин получил задание написать очерк о знатной ткачихе Клавдии Финохиной. О таком задании Щеточкин мечтал давно, однако очерка он не написал, вернее, не позволил себе написать. Почему? Собирая материал, он узнал, что Финохина разошлась с мужем, человеком, который продолжает ее любить. Муж Клавы объясняет дело так: «Прямо скажу: неинтересным человеком я для нее стал... Она и за границу ездит, и в президиумах сидит... А я как был помощником мастера, так и остался...»

Выслушав эти слова, Щеточкин (а вместе с ним и автор), не попытавшись даже проверить свои впечатления, решительно осудил Клаву Финохину: «...он почувствовал, что теряет интерес к личности Клавы и что не сможет сейчас написать очерк».

Концовка призвана утвердить моральную правоту начинающего журналиста: редактор, узнав, по каким мотивам Щеточкин отказался от выполнения задания, назначил его... постоянным очеркистом газеты.

Первоначальная авторская мысль вполне добротна: он осуждает поверхностную, одностороннюю оценку людей «по производственным показателям», выступает против бездумного и механического выполнения заданий, против равнодушного отношения к жизненным явлениям.

Так было задумано. Но художественно донести эту мысль П. Шебунину не удалось. На самом деле Щеточкин поступил, как человек равнодушный. Он пошел за «положительным» материалом, а натолкнулся на конфликт, хотел встретить идеальную «героиню», но нашел живого человека, у которого, кроме хороших качеств, есть и недостатки. Он приготовился писать очерк с обилием восклицательных знаков, а факты потребовали проблемной статьи, где, кроме восклицательных, были бы и знаки вопроса. И он отошел в сторону.

Поспешная разработка сюжета — недостаток весьма распространенный.

Нет надобности полностью излагать содержание рассказа Д. Осипа «Хозяева» («Огонек», № 25), весьма богатого и интересного по затронутым проблемам. При распределении квартир в новом доме завком и директор предприятия Валежников из-за обилия заявок не смогли выделить комнату заслуженному и уважаемому рабочему, рационализатору Остапчуку. Остапчуку, однако, комната крайне необходима: у него больны жена и дочь. Валежников чувствует, что допущена ошибка, но дело уже сделано:

«...У кого я тебе квартиру отберу? У кого?..» — не сумев от досады сдержаться, сердито спрашивает Валежников пришедшего к нему с жалобой Остапчука. Старый вальцовщик, как и Валежников, «...внутренне тоже понимал, что дело уже сделано и исправить ничего нельзя», но, горько и серьезно обиженный, уходит из кабинета, «хлопнув дверью».

Проходит три месяца. Отношения между Валежниковым и Остапчуком обостряются все больше и больше. Как же разрешается конфликт, в основе которого лежат проблемы широкого общественного значения: о чуткости к человеку, о социалистической сознательности и т. п.

К сожалению, писатель завершает рассказ первым попавшимся сюжетным ходом: он попросту сообщает читателю, что в заводском доме... оказалась еще одна свободная квартира, оставленная для работника, который, неизвестно еще, приедет или нет. О ней-то и «вспоминает» Валежников.

Эта несколько неожиданная «новость» заставляет читателя серьезно пересмотреть свою оценку героев, в первую очередь Валежникова. Либо директор завода, вопреки настойчивым авторским уверениям, — никудышный хозяйственник, не знающий, что у него есть и чего нет, либо он просто фальшивый и черствый человек, который, зная о тяжелом положении рабочего, ломал комедию, уверяя, что ничего не может сделать.

В рассказе, в силу малой его площади, все элементы содержания скреплены исключительно чуткими связями. Ошибка, что испортила бы в романе главу-две, может исказить в рассказе всю образную систему.

Говоря о недостатках, типичных для многих рассказов, появившихся в последнее время, трудно пройти мимо такого явления, которое можно назвать «штамп характеров».

Представьте себе мужчину в летах, мастера своего дела, до самозабвения влюбленного в свою профессию. Он ворчлив, но, по сути дела, добродушен. Несколько чудаковат. К молодежи относится с недоверием и старается держаться построже. Можно ли сказать, что это неясный, нечеткий характер? Думается, что нет. Теперь представьте, что этот человек, почти не меняясь по существу, а лишь переодевая спецодежду, кочует из рассказа в рассказ. Это и будет один из штампов характера.

Перелистывая «Огонек» за этот год, вы впервые встретите строгого, несколько чудаковатого мастера уже во втором номере журнала, в рассказе Б. Полевого «Сильнодействующее». В третьем номере, в рассказе С. Залыгина «Паутинка», он будет выступать в роли пожилого шкипера. В пятом номере, в рассказе Г. Радова «Строгий выговор», он снова мастер. Эти персонажи близки друг другу, как родные братья. Близки не в мелочах (второстепенные детали и обстановка как раз варьируются), близки, как типы. И тип этот читателю хорошо знаком. Точно таких, придирчивых, самолюбивых и притворно строгих старых мастеров мы встречали уже в рассказах С. Антонова «Дальние поезда», Б. Бедного «Хозяин» и в ряде других. Верно схваченный и неплохо обрисованный в свое время, образ этот, кочуя по страницам различных журналов и книг, потерял литературную свежесть и жизненную достоверность.

Еще более укоренившийся и более въедливый штамп — «девичий». Милые, веснушчатые, наивные, как правило, задорные и тайно влюбленные девушки (чаще сельские) прямо-таки порхают из рассказа в рассказ. Как близнецы, похожи одна на другую героини рассказов Б. Гусева «Мост» («Огонек», № 16), Ф. Кнорре «Весной» («Огонек», №№ 33—35), Б. Бедного «Варя» («Огонек», № 40) и др. Все вместе они напоминают девчат из появившихся в прошлые годы рассказов С. Антонова «Весна» и «Поддубенские частушки», Б. Бедного «Государственный глаз» и других.

Некоторые из названных рассказов и лиричны, и увлекательны; подкупает тема, которая сама по себе, как видно, никогда не устареет, — тема чистой, взыскательной девичьей любви. Но не варьировать, а развивать полюбившийся образ, близкую сердцу тему — вот задача требовательного художника.

И примеры такого свежего, взыскательного подхода к популярной «девичьей» теме в «Огоньке» есть.

В качестве примера можно привести новеллу Ю. Нагибина «В ночи» («Огонек», № 13). В холодную ночь на бесснежной степной дороге встречаются мужчина и девушка. Они идут и разговаривают. Вот как будто и все. И вместе с тем эта небольшая, тонко написанная вещь полна подлинно глубокого содержания. В ней бьется трепетная авторская мысль, чувствуется умная, избегающая трескучих фраз любовь к людям. От встречи с худенькой девушкой в бобриковом пальто нечто новое и важное получает не только герой рассказа Прохоров, но и читатель. У читателя это новое — чувство гордости за скромного человека, делающего свое небольшое нужное дело, и окрепнувшее представление о подлинном счастье, которое дает не случайная «удача в жизни», а искреннее, самоотверженное служение людям.

Бывают хорошие новеллы, пересказать которые очень трудно, так как в них, по выражению М. Горького, «содержания гораздо больше, чем слов». К сожалению, в «Огоньке» есть и такие образцы малого жанра, которые трудно пересказать по обратной причине — в них гораздо больше слов, чем содержания. Например, рассказ И. Егорова «Лилия-Тигрилия» («Огонек», № 37).

Мы, разумеется, не требуем от автора сложного, разветвленного сюжета. Наметки сюжетного построения в «Лилии-Тигрилии» как раз есть. Парторг МТС Вишнякова пригласила к себе «на пирожки» одного из нерадивых бригадиров. За столом она говорит ему вполне правильные слова о необходимости учиться, расти и более добросовестно относиться к своему делу. Возвращаясь домой, бригадир с возросшим уважением думает о своем партийном руководителе и о том, что дочь Вишняковой Лилия, характером похожая на мать, так же, как она, требовательна к людям.

Какова же мысль, в чем пафос рассказа И. Егорова? Кроме прописных истин (почерпнутых к тому же из деклараций героев) о пользе учебы, о вреде лени и т. д., здесь нет ничего.

Рассказ — жанр огромных возможностей и прекрасных традиций. Классики русской литературы оставили нам немало рассказов, в которых ясность и отчетливость образов сочетаются с философской глубиной. Стремление к подлинной, а не мнимой содержательности, к большим художественным обобщениям поможет нашим новеллистам создать типические образы советских людей.

А. СОСКИН

РЕПЛИКИ ЧИТАТЕЛЕЙ

Как мы читали книжку

Больше других подарков моя маленькая дочка Люда любит книжки. Как внимательно она слушает мое чтение, как пытливо разглядывает картинки! Ко дню рождения я купил ей книжку Э. Межелайтиса «Марите в пионерском лагере». Издана книжка в Вильнюсе, в 1953 г., Государственным издательством художественной литературы Литовской ССР, тиражом в 100.000 экземпляров.

Уже первое знакомство с героиней повело к недоразумению. Я читаю:

Вот Марите —	Ленты вьются
Поглядите, —	На ветру...

— Где Марите? — требовательно спрашивает Люда.

В самом деле, на странице рисунка нет. Но, к счастью, я нахожу изображение девочки на обложке. Людочка подозрительно разглядывает рисунок.

— Это не Марите! — говорит она. — А где — ленты вьются на ветру?

Действительно, на косе у Марите бант, который никак не вьется, да и признаков ветра на рисунке не видно. Я стараюсь скрыть смущение и читаю дальше:

Вдруг Марите	Оказалось,
Заявила:	Что с собою
— Еду в лагерь	Девочка
Не одна...	Взяла тайком
Я подругу	Куклу с лентой
Захватила, —	Голубою,
В чемодане	В сарафане
Спит она...	Голубом.

На четвертой странице изображен чемодан. Соседняя, пятая страница занята большим рисунком: Марите достает куклу из чемодана.

— Она взяла чужой чемодан? Да? — спрашивает меня дочка.

— Нет, это чемодан Марите.

— Нет, чужой, — настаивает Людочка. — Смотри: у этого есть закрывалки, а у этого нет.

Я спешу перевернуть страницу. И снова недоразумение. Люда решительно заявляет:

— Она взяла чужую куклу! Ты прочитал: «Куклу с лентой голубою, в сарафане голубом». А эта кукла в красном платье и лент у нее совсем нет.

В главе «Марите думает о маме», на 14-й странице, цитируется письмо девочки:

Куклу	Я забросила
С лентой голубою	Совсем...

Я облегченно вздыхаю: наконец-то мы избавились от куклы, доставившей нам столько хлопот! И тут же слышу неумолимый голос Люды:

— Марите обманула свою маму. Она говорит, что забросила, а сама ходит с куклой!

И верно: на 15-й странице нарисована Марите, на плече у нее — кукла!

Большое недоразумение ждало нас и на 26-й странице. Здесь говорилось:

Медвежонок	Серый Волк
В бурой шубке	В чепце и в юбке
Кувыркался	С Красной Шапочкой
И плясал.	Гулял.

А на рисунке не Серый Волк, а... Кот в сапогах!

Итак, задумана была хорошая книжка о хороших ребятах. А получили мы издание, в котором ребенка на каждом шагу ставят в тупик вопиющие противоречия текста и рисунков. Похоже, что художник К. Петрикайте-Тулене и художественный редактор Э. Юренас крайне невнимательно прочитали текст, поэт Э. Межелайтис не просмотрел рисунки, а редактор В. Шкловский забыл о своей обязанности редактировать всю книжку, с обложкой и рисунками.

Маленькие читатели остро наблюдательны. И в тексте и в рисунках для них важна каждая мелочь, они все воспринимают конкретно и непосредственно. Поэтому такие книжки, как «Марите в пионерском лагере», их не радуют, а только смущают и печалят.

Вит. ХОМЕНКО

КИЕВ.

Два „Авторитета“

Дорогие любители литературы и собратья по чтению журналов! Возьмите № 20 журнала «Огонек», который вышел в мае нынешнего года, и прочтите рассказ «Авторитет», принадлежащий перу Бориса Ласкина. После этого возьмите № 9 журнала «Беларусь», вышедший в сентябре, и прочитайте в нем рассказ «Авторитет», принадлежащий перу Миколы Ракитного.

«Авторитет» Б. Ласкина — веселый и вместе с тем язвительный рассказ, бичующий самодовольного бюрократа-вельможу, который в своекорыстных целях заискивает перед своим подчиненным. Но что такое «Авторитет» М. Ракитного? Это тоже веселый и вместе с тем язвительный рассказ, бичующий самодовольного бюрократа-вельможу, который в своекорыстных целях заискивает перед своим подчиненным. Как в рассказе Б. Ласкина, так и в рассказе М. Ракитного герой пытается укрепить свой авторитет нечистым путем и, естественно, только подрывает его. Не только заглавия рассказов одинаковы, но одинаковы и сюжеты и детали.

Стало быть, подумал я, «Авторитет» М. Ракитного является не чем иным, как переводом «Авторитета» Б. Ласкина на белорусский язык, и только по недосмотру редакции «Беларуси» это не указано.

Однако, перечитав оба рассказа еще раз, я призадумался. Ну, хорошо, все как будто совпадает. Совпадает, да не совсем! У Ласкина заместителя управляющего трестом зовут Сергеем Фомичом, а у Ракитного — Романом Кузьмичом. Правда, и тут и там заместители говорят о красотах Кисловодска в совершенно одинаковых выражениях. Но имена-то и отчества у них разные? От этого никуда не уйдешь! А вот и еще различие: подчиненный у Ласкина Якушев, а у Ракитного — Канапелька.

Что ж, очевидно, М. Ракитный предпринял необычайно вольный творческий перевод.

Очень хотелось бы узнать: во-первых, просил ли М. Ракитный у Б. Ласкина согласия на «вольный перевод» его рассказа и, во-вторых, читают ли члены редколлегии журнала «Беларусь» материалы своего московского собрата — журнала «Огонек»?

В. ПРОКОПОВИЧ

Деревня Алёхново,
Сенненского района,
Витебской области

„Где видел писатель подобных лошаденок?..“

Писатель выпустил новую книгу. Еще не появилось рецензий в газетах и журналах, еще Дом литераторов не успел запланировать ее обсуждение, а почта уже доставила первые читательские письма. Одни выражали только слова одобрения, в других похвала сочеталась с критическими замечаниями, третьи принадлежали людям, которым произведение не понравилось. Письма были очень разными по тону и по выводам. Но большинство корреспондентов писателя объединяло единое чувство глубокого уважения к его труду, понимание авторского замысла. Поэтому читательские отзывы воспринимались как поддержка, как призыв к еще более взыскательной работе. Поэтому же так резко выделялось из их массы одно письмо, отличавшееся и по тону и по вопросам, поставленным в нем.

В письме книга оценивалась в общем положительно. Автору письма не понравилось лишь то место, где упоминалось о лошаденке, которая «плелась понуро» по дороге. Эту фразу он подверг критическому обстрелу. — Что это за «лошаденка», почему она плетется понуро? — с негодованием вопрошал он. — Разве таков наш колхозный конь — бодрый, упитанный, сильный! И где это видел писатель подобных лошаденок, кто дал ему право искажать образ колхозной лошади?!

Когда автор произведения, «исказившего» образ колхозной лошади, рассказал на одном писательском собрании об этом обвинении, участники собрания не могли удержаться от смеха. Действительно, случай этот кажется анекдотом. Однако он вызывает не только веселую улыбку. Ханжеское отношение к жизни, догматическое понимание литературы, схематический подход к художественным произведениям сказывается в том, как трактуются литературные образы. Если, например, один из героев романа изображен в критическом плане, то некоторым читателям кажется, будто тень брошена на всех людей той же профессии. Раз здесь нарисован грубоватый милиционер, — следовательно, автор возводит поклеп на всех советских милиционеров. Раз перед нами сатирически очерченный управдом, — значит, писатель пренебрежительно относится ко всему институту управляющих домами. Отсюда один шаг до обвинения в нетипичности, в искажении образа...

И такое обвинение высказывается. Среди многих верных замечаний в адрес романа Ольги Зив «Горячий час» одним читателем был выдвинут упрек в нетипичности образа мастера Болтина. Чем мотивирован этот упрек? Процитировав строчки, в которых говорится, что мастер действует по советам передового рабочего Зигурды, автор письма делает обобщение: «Все это совершенно нетипично. Мастер выдвигается из среды наиболее авторитетных и опытных производственников, к его советам и указаниям чутко прислушиваются в цехе. Вообще, мастер — одна из центральных фигур в цехе. И совершенно недопустимо, чтобы мастером командовали рабочие, покрикивали на него...»

Авторы подобных писем не понимают, что литература создает живые образы, отображающие сложную и противоречивую действительность, а не механически копирует жизненные явления, не иллюстрирует производственные инструкции. Как радует художника всякий отзыв, в котором чувствуется понимание высоких целей искусства, призванного создавать яркую панораму движущейся и развивающейся многогранной жизни! И как огорчает, когда об этой жизни и ее изображении судят без любви к литературе, в духе холодных схематических канонов: поскольку «недопустимо, чтобы мастером командовали рабочие», значит писатель не имеет права показать, как мастер работает, прислушиваясь к советам передовых рабочих; поскольку надо отразить деятельность общественных организаций, значит автор обязан непременно вывести их представителей — парторга, профорга, комсорга, независимо от того, соответствует ли это его творческому замыслу или не соответствует. Подходя к произведению искусства с таких «ведомственных» позиций, один читатель нашел, что в романе В. Ажаева «Далеко от Москвы» «есть чему поучиться и коммунисту и комсомольцу. Но вот профсоюзной организации нечего взять из книги...»

Чаще всего в таких упреках звучит наивная убежденность, что писатель не должен ничего упустить, обязан обо всем сказать в каждом произведении, какой бы теме оно ни было посвящено. Впрочем, не всегда дело ограничивается недоуменными вопросами. Грозный тон автора письма об «искаженном» образе колхозной лошади слышится и в послании, посвященном роману Е. Мальцева «От всего сердца». Оказывается, Груня Васильцова когда-то работала на животноводческой ферме. Читатель, сочинивший послание, с пристрастием обращается к ее анкете. И у него возникает подозрение: а почему Груня ушла с фермы, каким образом она попала в полеводческое звено? В результате тщательного дознания выносится суровый приговор и героине и автору романа: «Казалось бы... читатель увидит, как Груня борется за укрепление и развитие общественного животноводства артели, за повышение его продуктивности. Этого, к сожалению, не получилось. Неожиданно, по неизвестным причинам, Груня становится звеньевой, оставляет работу на ферме. Хочет этого автор или не хочет, объективно получается так, что в романе налицо недооценка общественного животноводства».

Было бы неверно судить о всей писательской почте по приведенным выше письмам. Преобладают читательские отзывы, которые оказываются поучительными для художника, обогащают его. И в этом — одна из замечательных примет нашего времени.

Когда-то русские писатели болезненно переживали отсутствие широкой читательской публики.

«Нет тебя, любезный читатель, — с тоской и болью восклицал Салтыков-Щедрин, — еще не народился ты на Руси. Нет тебя, нет и нет.

Русский читатель, очевидно, еще полагает, что он сам по себе, а литература — сама по себе. Что литератор пописывает, а он, читатель, почитывает. Только и всего».

В Советской стране сбылась мечта ее лучших людей о всенародной литературе, о тесной, неразрывной связи писателя с читательскими массами. «Никогда еще в мире не было читателя, — с гордостью говорил Горький, — который так заслуживал бы права на любовь и уважение к нему, как этого заслуживает наш читатель». Теперь читатель чувствует как бы личную ответственность за состояние советской литературы. Его мнение — высший суд для произведения искусства, его высокие вкусы и растущие запросы во многому обязывают художника. Общение с читателями — важное средство изучения писателями реальной жизни.

Творческое содружество, глубина взаимопонимания — вот что характеризует отношения между писателем и читателем в нашей стране. Об этом не раз писали Горький и Маяковский. Об этом говорят и многие писатели — наши современники. Рассказывая историю создания «Василия Теркина», Твардовский специально отметил, как много дало ему общение с читателями. «С первых читательских писем, полученных мною, — пишет поэт, — я понял, что работа моя встречена хорошо, и это придало мне сил продолжать ее. Теперь уже я не был с ней один на один: мне помогало теплое, участливое отношение читателя к ней, его ожидание, иногда его «подсказки»...

Можно привести немало примеров внимательного отношения писателей к дельным советам, справедливым замечаниям. Именно глубочайшее уважение к мнению читательских масс обязывает не только прислушиваться к верным отзывам, но и критически рассмотреть непродуманные суждения и догматические требования. Ведь, как отмечал тот же Салтыков-Щедрин, ответственность писателя и читателя — ответственность взаимная: и тот, и другой активно влияют на уровень художественной литературы.

Важно при этом особо подчеркнуть: догматический подход к произведениям искусства выработался у некоторых читателей под влиянием нередких еще у нас критических статей, написанных теми профессиональными критиками, которые не понимают ни жизни, ни литературы и стремятся навязать свои схоластические представления о том, что «типично» или «нетипично». В этих статьях художественные произведения искусственно разложены по полочкам, насильно подгоняются к схематическим эталонам. Так, рецензент таджикской республиканской газеты, разбирая рассказ Рахима Джалила, обратил внимание на портрет старухи — одного из действующих лиц рассказа: «Мать, дряхлая, с согнутой спиной, опираясь на палку, вышла за ними (за сыном и мужем. — **В. О.**). У нее не было больше сил стоять, и она села у порога. Из ее глубоко запавших тусклых глаз выкатились три-четыре слезинки и исчезли в глубоких морщинах».

Критик усмотрел в этих строках не больше не меньше, как... попытку исказить образ советской женщины. «Здесь законным образом возникает такой вопрос, — пишет он, — разве такие определения, как «дряхлая, с согнутой спиной», «у нее не было больше сил стоять», «запавшие тусклые глаза», «глубокие морщины», могут создать образ советской женщины?» Вслед за этим утверждается, что в искажении образа советской женщины виноват не только автор, но и редакция газеты, напечатавшая рассказ.

Такого рода статьи достойны не столько серьезного разбора, сколько осмеяния. Эти статьи сбивают с толку, дезориентируют писателей, способствуют порче литературного вкуса у читателей, а иногда порождают письма, вроде тех грозных филиппик, о которых речь шла выше. Чем меньше будет таких псевдоглубокомысленных оценок, чем шире будет поток отзывов, пусть суровых и требовательных, но искренних и справедливых, тем теснее укрепится связь читателей с художниками слова, тем благодарнее будут писатели за каждое читательское замечание, совет, пожелание.

В. ОЗЕРОВ

Чувайло. Нет, нет, знаете ли... Я не привык стеснять людей.

Единица (растерянно). Ну, как же, все-таки, так... У нас так не принято. Мы хотим создать все условия для отдыха... Так сказать...

Чувайло (раздевается). Не знаю уж, как у вас тут принято, а меня вполне устраивает эта свободная кровать. (Обращается к Русакову и Лаптеву). Если вы ничего не имеете против, я займу ее!

Русаков. Пожалуйста, пожалуйста...

Чувайло (обращаясь к Единице и Администратору). Благодарю вас, товарищи! Считайте, что я устроен.

Единица (подобострастно). Безусловно. Вы уж нас извините. Произошло недоразумение. Я доложу. Мы примем меры. Наложим взыскание. В дальнейшем все будет обеспечено. Есть указание товарища Пяткина. Приятных сновидений. (Хочет подать Чувайло его чемодан).

Чувайло (сдержанно). Не трудитесь. Я сам.

(Берет чемодан и кладет его на кровать).

Единица. Приятных сновидений.

Чувайло (сдержанно). Благодарю вас. И вам того же.

(Единица и Администратор выходят. Мужчины сидят на кроватях и некоторое время молча смотрят друг на друга. Пауза).

Чувайло (встает). Товарищи! Мы же даже не познакомились. Разрешите представиться. Чувайло, Матвей Романович. Из Киева.

Русаков. Афанасий Иванович Русаков.

Лаптев. Лаптев, Иван Петрович.

Чувайло. Очень приятно. А вы издалека сюда прибыли?

Русаков. Я из Москвы. Товарищ — из Ленинграда.

Чувайло. В командировке?

Русаков. Приехали к месту работы.

Чувайло. По какой специальности, если не секрет?

Лаптев. Мы работники сельского хозяйства. Агрономы.

Чувайло. О! Тем более приятно познакомиться. Выходит, у нас смежные профессии?

Русаков. Почему смежные? Каким образом?

Чувайло. Так ведь я же ветеринар!

Лаптев. Как, ветеринар?

Русаков. Вы ветеринар?

Чувайло. Так точно. Ветеринар. А что вас так удивило?

Русаков. Мы думали, что вы ревизор!

Чувайло (удивленно). Я? Ревизор? Разве я похож на ревизора?

Лаптев. Вам была оказана такая встреча... И потом этот номер, ужин...

Рисунки худ. В. Фомичева

Чувайло. Какой ужин?

Русаков. А вот, на столе! (Поднимает салфетку).

Лаптев. Это ведь для вас приготовлено.

Чувайло. Для меня? Почему для меня? Откуда вы взяли?

Русаков. А этот номер разве не для вас был забронирован?

Чувайло. Ей-богу, товарищи, если вы меня разыгрываете, то лучше прямо скажите, что все это значит? Я вообще отказываюсь что-либо понимать.

Русаков. Кто вас встречал?

Чувайло. Не знаю. Понятия не имею. Меня никто не встречал.

Лаптев. А этот товарищ, который только что ушел, он разве вас не встречал?

Чувайло. Меня? Нет. Меня никто не встречал и не должен был встречать.

Русаков. А откуда же он взялся?

Чувайло. Чорт его знает, откуда он взялся. Я вылез из вагона и иду себе по перрону, думаю, где бы переночевать. Перрон пустой. Ни души. Вдруг этот тип навстречу. Спрашивает меня: «Вы из столицы?». Из столицы, отвечаю, я ведь из Киева!.. А он отвечает: «Очень приятно! Разрешите познакомиться: Единица. Работник местного горкомхоза. Не желаете ли, подвезу до гостиницы?». Почему не подъехать? Сели в машину. Всю дорогу он мне рта не давал раскрыть, все рассказывал о достопримечательностях города, о коммунальном хозяйстве, о каких-то несправедливых нареканиях, о каком-то предвзятом мнении, о выступлении местной газеты... Так я ничего и не понял. Подъехали к гостинице, он схватил мой чемодан, и вот... Как видите, я здесь... Остальное вы знаете! Честно говоря, мне просто повезло. Я ведь на гостиницу не рассчитывал.

(Русаков и Лаптев смотрят друг на друга и вдруг начинают хохотать).

Русаков (сквозь смех). Вот это да-а-а!..

Лаптев (сквозь смех). Ну, Единица!

Чувайло (смеется). Да объясните мне толком, чего вы смеетесь?

Русаков. Да поймите же, дорогой доктор! Нас всех приняли за ревизоров! За ревизоров!

Чувайло. Почему за ревизоров?

Лаптев. В городе ждут приезда какого-то ревизора. Для него третьи сутки держат номер. Встречают его на вокзале.

Русаков. А он все не едет. Он не едет, а его ждут. Ждут с ужином, с коньяком...

(Показывает на стол).

Лаптев. А у страха, как известно, глаза велики! Сначала администратор спросонья нас принял за ревизоров и, не разобравшись, пустил нас сюда...

Русаков. А потом на вокзале этот Единица из Горкомхоза, в свою очередь, принял за ревизора вас и привез вас сюда.

Лаптев (смеясь). Ну и конфуз! (Серьезно). А вы действительно не ревизор? Или, может быть, вы нарочно нам сказали, что вы ветеринар?

Чувайло. Честное слово, я самый настоящий лошадиный доктор. Могу документы показать.

Русаков. Это же просто комедия какая-то! Надо же выпить по этому поводу! Все равно, завтра расплачиваться. Мы один ревизорский ужин уже съели!

(Открывает бутылку. Наливает коньяк в рюмки. Все поднимают рюмки).

Чувайло. За что пьем?

Лаптев. За содружество! За работников сельского хозяйства!

Русаков. За культурное обслуживание всех простых смертных — командировочных, плавающих и путешествующих...

Чувайло (неожиданно). Товарищи! Товарищи! А если сейчас приедет настоящий ревизор? Что тогда? Куда мы денемся?

(Стук в стену. Все молча переглядываются. Пауза).

Ревизор (женский голос за сценой). Товарищи! Спите спокойно! Ревизор не приедет. Я — ревизор. Я уже третьи сутки живу за этой стеной!

Немая сцена.

Занавес.

Новые книги

Богданова А. Вячеслав Шишков. Литературно-критический очерк. Новосибирское книжное издательство. 256 стр. Цена 6 руб. 70 коп.

Вишневский С. Родное раздолье. Стихи. Перевод с марийского. Йошкар-Ола. Марийское книжное издательство. 76 стр. Цена 1 руб. 35 коп.

Воробьев В. Д. И. Писарев — выдающийся русский критик-демократ. Издательство Харьковского государственного университета. 99 стр. Цена 3 руб.

Гречишникова А. Советская детская литература. Учебное пособие для учительских институтов. Учпедгиз. 250 стр. Цена 4 руб.

Дмитриева В. Агния Барто. Детгиз. 40 стр. Цена 45 коп.

Ерымовский К. Каспий — море штормовое. Повесть. Астрахань. Издательство «Волга». 247 стр. Цена 6 руб. 15 коп.

Мясников А. М. Горький. Очерк творчества. Гослитиздат. 648 стр. Цена 16 руб. 30 коп.

Овечкин В. Повести и рассказы. «Молодая гвардия». 416 стр. Цена 7 руб. 95 коп.

А. Н. Островский в русской критике. Сборник статей. Издание 2-е, дополненное. Гослитиздат. 452 стр. Цена 7 руб. 45 коп.

А. С. Пушкин в русской критике. Сборник статей. Издание 2-е, исправленное. Гослитиздат. 688 стр. Цена 11 руб.

Сигов И. На старом Урале. Роман. 2-е издание. Молотовское книжное издательство. 240 стр. Цена 4 руб. 85 коп.

Тургенев в русской критике. Сборник статей. Гослитиздат. 574 стр. Цена 9 руб. 10 коп.

Форш О. Избранные произведения. Издание просмотренное и исправленное. Гослитиздат. 667 стр. Цена 16 руб. 85 коп.

Чернышевский Н. Полное собрание сочинений в 15 томах. Т. 16 (дополнительный). Статьи, рецензии, письма и другие материалы. 1843—1889. Гослитиздат. 959 стр. Цена 18 руб.

Шкловский В. Заметки о прозе русских классиков. О произведениях Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Чехова. «Советский писатель». 324 стр. Цена 7 руб. 20 коп.

Юткевич С. В театрах и кино свободного Китая. Записки советского режиссера. «Искусство». 175 стр. Цена 10 руб. 25 коп.

МОЖНО ЛИ ЗАПРЕТИТЬ КУЛЬТУРУ?

У итальянского журналиста Марчелло Вентуроли итальянская полиция отобрала паспорт, когда он возвращался со Всемирного фестиваля молодежи в Бухаресте. В связи с этим Вентуроли обратился с открытым письмом к премьер-министру Италии Пелла, которое было напечатано в прогрессивной итальянской газете «Паэзе сэра». Мы публикуем письмо в сокращенном переводе.

...Я имел честь быть приглашенным от имени Международного комитета IV фестиваля молодежи в Бухарест, чтобы внести свой вклад искусствоведа в это крупное событие в области культуры.

Я быстро уложил чемоданы, вставил новую ленту в пишущую машинку и, пересаживаясь с одного поезда на другой, благополучно прибыл в порт, имея при себе, конечно, паспорт. В Бухаресте, среди многочисленных приятных сюрпризов, ожидавших меня,— я не буду затруднять вас их перечислением, хотя уверен, что вам доставило бы удовольствие узнать о них подробнее,— меня ожидало сообщение, что я назначен председателем жюри конкурса артистов балета и большой конференции всех молодых литераторов, принявших участие в фестивале.

Вы знаете, что культура не может быть автаркической, что культура развивается и что достойные представители интеллигенции есть в каждой стране. К этому следует добавить, что в конкурсе артистов балета и в конференции писателей принимали участие не только представители стран, находящихся, как говорят у нас, «по ту сторону занавеса», но и представители молодежи более ста стран мира, произведения которых, тенденции, запросы и позиции далеко не сходны между собой и иногда даже противоположны. Я, как человек независимых взглядов, выходец из буржуазной среды и представитель ее культуры, могу сказать, что конкурс и конференция проходили в атмосфере полной свободы...

Удовлетворенный проведенной работой, написав несколько статей для своих газет и увозя с собой незабываемые воспоминания об этом празднике культуры, свидетелем которого мне пришлось быть, я сел в поезд, чтобы возвратиться на родину. Но на границе полицейский чиновник, заглянув в мой паспорт, сообщил мне потрясающую новость: он сказал, что я, как и многие другие деятели культуры, нарушил государственные законы Италии, запрещающие гражданам нашей страны, не облеченным особыми полномочиями, руководить работой жюри и председательствовать на конференции писателей в странах, находящихся за этим пресловутым «занавесом». Конечно, скромный чиновник не произнес именно эти слова, но смысл его высказываний, скрывающийся за официальной бюрократической формулировкой, был как раз таким. Я дал понять этому чиновнику, что ничего не знаю о существовании в Италии подобных законов, столь неблагоприятных для свободного развития культуры...

Но инцидент этим не был исчерпан. За несколько минут до отправления поезда на итальянскую территорию, убедившись, что чиновник не возвращается, я пошел его разыскивать сам. Он сидел в полицейском управлении за столиком, заваленным грудой паспортов, и составлял длинный список «злоумышленников от «культуры»» с тем, чтобы потом передать этот список и паспорта в различные квестуры республики.

— Видите, чем мне приходится заниматься! — сказал он с горькой усмешкой.

— Да, вижу,— ответил я,— и сколько же вы их конфисковали?

— С вашим — больше тысячи. Но кто знает, сколько народу еще приедет оттуда,— добавил он со вздохом.

...И вот я в Риме и пишу вам это письмо.

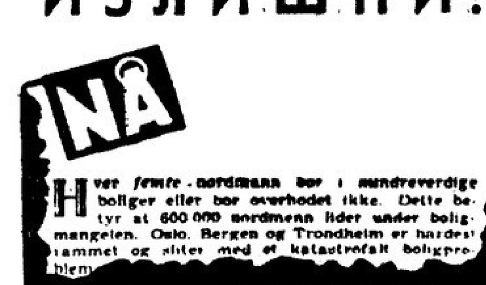
Скажите, синьор министр, вы верите в то, что стихотворение, критическую статью или роман можно запретить на таможне? Не кажется ли вам чудовищным и противоречащим вашим либеральным принципам, что у писателя и искусствоведа, пересекшего границу, по которой проходит «занавес», с единственной целью защищать и утверждать свои идеи, именно за это отнимают паспорт?

И чему способствуют, собственно говоря, эти глупейшие ограничения? Доброй славе итальянской культуры за границей? Установлению мирных взаимоотношений между писателями, критиками, артистами всех стран мира на такой беспристрастной основе, как культура?

Конечно, нет. Совсем наоборот.

Ограничение в выдаче паспортов, конфискация паспортов у людей, являющихся по профессии критиками, журналистами, писателями, выглядит как наказание, а применяемое в таком широком масштабе, как это происходит у нас сейчас, превращается в самые настоящие преследования...

КОММЕНТАРИИ ИЗЛИШНИ!

NÅ

Hver femte nordmann bor i mindreverdige boliger eller har overhodet ikke. Dette betyr at 600.000 nordmenn lider under boligmangelen. Oslo, Bergen og Trondheim er hardest rammet og sliter med et katastrofalt boligproblem.

Норвежский буржуазный журнал «Ню» 17 октября этого года поместил статью по поводу жилищных условий, существующих в Норвегии. Статья начинается словами:

«Каждый пятый норвежец проживает в плохом жилище или же вообще такового не имеет. Это означает, что 600.000 норвежцев страдают от жилищного кризиса. Осло, Берген и Тронхейм поражены особенно тяжело и изнемогают от катастрофических жилищных трудностей...»

Комментарии излишни!

ПОЛОЖЕНИЕ ФЕРМЕРОВ В США

Процесс обнищания и разорения фермерских хозяйств в США принял за последнее время столь широкие размеры, что даже буржуазная печать начинает поговаривать о тяжелых временах, наступивших для американского фермера.

«Почему фермеры жалуются» — так журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» озаглавил таблицу, помещенную в одном из последних номеров, которую мы здесь приводим.

Why Farmers Complain

Compared with a year ago: FARMERS ARE GETTING 13 per cent less for what they sell		BUT FARMERS PAY	Compared with a year ago: FARMERS ARE PAYING only 3 per cent less for what they buy	
COTTON BRINGS	13.6% LESS		5.2% MORE	FOR TAXES
CORN BRINGS	14.5% LESS		1.6% MORE	FOR LABOR
WHEAT BRINGS	8.9% LESS		0.6% MORE	FOR FERTILIZER
POTATOES BRING	67.0% LESS		11.9% LESS	FOR FEED
CATTLE BRING	33.7% LESS		1.0% MORE	FOR MACHINERY
MILK BRINGS	11.7% LESS		1.1% MORE	FOR GASOLINE

Языком цифр она рассказывает о резком снижении доходов американских фермеров в этом году.

Что гласят надписи, приведенные в таблице в черных овалах, над колонками цифр?

«По сравнению с прошлым годом фермеры получают на 13 процентов меньше за то, что продают»,— говорится в надписи слева.

«По сравнению с прошлым годом фермеры платят только на 3 процента меньше за то, что покупают»,— говорит надпись справа.

Колонка цифр с левой стороны показывает, что фермеры выручили меньше, чем в прошлом году: от продажи хлопка на 13,6 процента, кукурузы — на 14,5 проц., пшеницы — на 8,9 проц., картофеля—на 67 проц., скота — на 33,7 проц. и молока — на 11,7 процента.

Цифры, приведенные в правой колонке, говорят о том, что цены на удобрения, сельскохозяйственные машины, бензин и другие товары по сравнению с прошлым годом увеличились, выросли также налоги и другие издержки производства, за исключением цен на корма для скота. Судя по таблице, именно снижение цен на корма позволило фермерам сократить в этом году на 3 процента свои производственные расходы, как это утверждает журнал. Но эти данные относятся только к производственным издержкам. Что же касается цен на такие нужные фермеру товары, как одежда, мебель и пр., а также стоимости коммунальных услуг, медицинского обслуживания, расходов по содержанию и ремонту жилищ и т. п., то они возросли намного больше. Напомним, что даже по официальным статистическим данным индекс цен на потребительские товары и услуги в США в течение последнего года продолжал расти и к середине сентября увеличился на 15,2 процента по сравнению с 1947—1949 гг.

Разрыв между закупочными ценами на сельскохозяйственные продукты и ценами на промышленные товары в США с каждым годом расширяется, и фермер становится жертвой этих «ножниц». Американские монополии систематически снижают, сбивают закупочные цены на сельскохозяйственные продукты и в то же время взвинчивают цены на промышленные товары и розничные цены на продукты питания. Многие товары теперь просто недоступны для фермеров. Большинство фермеров не имеет средств на покупку сельскохозяйственных машин или удобрений. Как сообщал не очень давно бюллетень «Фэктс фор фармерс», 21 процент всего сельского населения США живет в полуразрушенных домах.

Доходы фермеров падают, о чем и говорит помещаемая нами таблица. По сравнению с 1947 годом покупательная способность фермерской семьи упала на 30 проц.— почти на одну треть. Председатель товарно-кредитной корпорации США Джон Дэвис недавно прямо указал, что «фермеры находятся в состоянии кризиса». Напрасно стучатся они в двери правительственных учреждений США: на помощь к ним никто не приходит. В конце октября в Вашингтон прибыла делегация фермеров-скотоводов, чтобы просить правительство приостановить как-нибудь падение закупочных цен на скот. Но министр земледелия США Бенсон отказался удовлетворить требования фермеров.

Фермеры разоряются, а прибыли монополий растут... Этот процесс, характерный для сельского хозяйства США, можно было бы наглядно проиллюстрировать диаграммой, на которой доходы фермеров были бы показаны кривой, резко идущей книзу, а прибыли монополий — линией, круто вздымающейся вверх. Но журнал «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» — орган деловых кругов США — по вполне понятным причинам не счел нужным привести такую диаграмму.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ФРАНЦУЗА О СУДЬБАХ ЕГО РОДИНЫ

Флоримон БОНТ,
французский писатель

Недавно все прогрессивное человечество праздновало 36-ю годовщину Великой Октябрьской Социалистической революции. Среди Призывов, с которыми обратился ко всему миру в те дни Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, первое место занимают Призывы к международной солидарности трудящихся всех стран и братские приветствия народам, борющимся за мир, демократию и социализм. Один из этих Призывов провозглашает необходимость дружбы между народом Советского Союза и народом Франции.

Действительно, дружба советского народа насущно необходима народу Франции.

Основная ошибка французских правителей состоит в том, что они этого не поняли, не пожелали понять. Именно это непонимание лежит в основе всех наших трудностей, всех наших бед, всех наших кризисов и потрясений. Именно оно толкает наших реакционных правителей, руководимых эгоистическими предрассудками финансовых групп и промышленных трестов, к поощрению начинаний германских империалистов, традиционных врагов Франции. Поэтому они борются всеми средствами против Советского Союза, единственной страны, без сотрудничества с которой не может быть безопасности, мира, процветания и благосостояния Франции.

История вынесла свой неумолимый приговор подобной политике. История говорит о том, что союз с советской страной, действительно, представляет для Франции абсолютную необходимость.

История учит нас: каждый раз, когда французское правительство проводило по отношению к Советскому Союзу враждебную политику, это вело для Франции к ослаблению, изоляции, бедствию; каждый раз, когда французское правительство проводило по отношению к Советскому Союзу политику дружбы, это вело для Франции к усилению, сплочению и счастью.

Доказательства? Вот они.

Когда в 1935 году был подписан франко-советский договор, для Франции открылся путь к миру, процветанию и благосостоянию.

Но как только этот договор начали саботировать, Франция неудержимо покатилась в пропасть войны.

Когда в 1944 году был подписан новый франко-советский договор, Франция выдвинулась в первые ряды наций, защищающих национальную независимость, демократию и мир.

Но как только этот договор начали саботировать, мы стали скатываться с каждым днем все более быстро к закрепощению, унижению, трудностям всякого порядка и во всех областях.

Не кто иной, как нынешний министр иностранных дел Жорж Бидо, провозгласил, что франко-советский союз был «союзом, основанным на чувстве и разуме». И не кто иной, как сам генерал де Голль, бывший в то время председателем совета министров Франции, заявил с присущей ему лаконичностью:

«Для Франции и России быть едиными— значит, быть сильными.

Отсутствие единства означает опасность для той и другой.

Действительно, это категорическое требование, диктуемое географическими условиями, опытом и здравым смыслом».

Сейчас, с возрождением германского милитаризма, с формированием так называемой «европейской армии», предусмотренной гибельными боннским и парижским военными договорами, эти слова более, чем когда-либо, сохраняют свое глубокое значение.

У обоих народов, советского и французского, к тому же одни и те же законные интересы, которые надо защищать против одних и тех же общих врагов.

Георгий Маленков 8 августа на сессии Верховного Совета СССР и Морис Торез 23 октября на заседании Центрального Комитета Французской Коммунистической партии неопровержимо доказали это.

Оба народа, советский и французский, на протяжении истекшей трети столетия в самом деле познали те же тяжелые испытания в тех же суровых боях против тех же жестоких захватчиков: германских империалистов. Сначала во время первой мировой войны, затем во время второй мировой войны.

Французский народ не забывает — он не может забыть, его долг не забыть, что в этих двух войнах именно русский народ спас Францию от самых трагических бедствий.

Первый раз это было в 1914 г., когда русские армии, заняв сокрушительным наступлением Восточную Пруссию, принудили германский генеральный штаб оттянуть наиболее сильные дивизии с французского фронта и тем самым сделали возможной решающую победу на Марне.

Второй раз это было в 1942—1943 гг., когда советские армии, одержав под Москвой, Сталинградом и Ленинградом свои легендарные победы, разрушили гитлеровскую военную машину и сделали тем самым возможным и освобождение Франции и разгром нацистских варваров.

Для каждого честного человека, для каждого здравомыслящего, для каждого француза, который руководствуется жизненными интересами нации, ясно, что стремление к союзу с СССР — основной закон французской политики.

Логика говорит о том, что Советский Союз — естественный союзник Франции, союзник, чьи коренные интересы не сталкиваются с коренными интересами Франции ни в одной части света. Более того, их интересы идентичны. Для обоих народов ремилитаризация Западной Германии представляет в равной мере серьезную угрозу.

Разве не ясно, что когда Советский Союз борется с таким мужеством и упорством против вооружения боннских реваншистов, он защищает не только свои жизненные интересы, но также и жизненные интересы Франции?

Ведь не Советский Союз обрекает Францию на политическое и экономическое закрепощение, не Советский Союз тормозит развитие Франции, опутав ее оковами военных соглашений и экономической дискриминации.

Напротив, Советский Союз не перестает показывать словами и делами, повторными предложениями дружеского сотрудничества на базе равноправия, взаимного уважения интересов каждой стороны и взаимной выгоды, что он хочет независимой Франции, сильной и суверенной, процветающей и счастливой в условиях мира во всем мире.

Заключить союз с СССР, жить в дружбе с Советским Союзом — вот в чем для Франции наиболее надежная гарантия безопасности, наиболее надежная защита ее независимости.

С другой стороны, как велика общность между Советским Союзом и Францией!

Нет другой страны в Европе, где благородные идеи Великой французской революции были бы так хорошо поняты, как в России.

Нет другой страны в Европе, где бы так уважали, любили и высоко ценили гений Франции, ее культуру, ее искусство, философию, науку и литературу.

Да, как много общего в судьбах двух стран: Советского Союза и Франции!

Подлинно французская политика, отвечающая французским интересам, повелевает поэтому — вернуть силу, мощь и действенность франко-советскому договору.

ПАРИЖ, ноябрь

Подлый трюк иранских реакционеров

Недавно иранские газеты «Сиаси», «Ферман», «Седае ватан» и другие опубликовали под сенсационными заголовками сообщения о бегстве поэта Лахути из СССР. Газета «Атеш» пишет: «Лахути вырвался из коммунистического рая». Перебивая друг друга и захлебываясь липкой слюной восторга, эта и другие газеты утверждают, что в Пакистане вышла в свет книга Лахути «Описание моей жизни», и указывают для вящей убедительности число ее страниц — 273, а также печатают фотокопию нескольких страниц «рукописи», с которой-де набрана эта книга...

Газета «Ферман» приводит даже цитату из «Описания»: «...Целью Советского Союза в Иране всегда было создать анархию, смуту, свергнуть центральную власть и присоединить Иран к СССР».

Вот какие удивительные вещи происходят, оказывается, с моим именем, пока я, Абулькасим Лахути, провожу эти зимние дни на своей даче под Москвой, работая над новыми стихами о борьбе народов мира за мир, над стихотворными новеллами о прошлых годах моей жизни...

В восточных сказках нередко изображаются воры, способные украсть все, от мелкой монеты до огромного дома. Журналисты из газет «Сиаси», «Ферман», «Седае ватан», «Атеш» и им подобных превзошли самых вороватых воров из этих сказок: они попытались украсть человеческое имя.

В восточных сказках изображаются нередко лжецы, которые громоздят ложь на ложь до тех пор, пока их не постигает заслуженная кара. Помнится, что в «Тысяча и одной ночи» одного такого враля даже оскопили в целях назидания. А ведь по сравнению с господами из названных выше газет лжец из «Тысячи и одной ночи» может сойти за правдивого человека!

Однако, если эти журналисты крадут чужое имя и оскверняют его ложью, значит это кому-то наруку: продажный слуга совершает подлость, чтобы угодить хозяину. И хозяин его известен: это — иранские реакционеры. Но и они тоже слуги — слуги заокеанских хозяев.

По заокеанской указке твердит иранская реакция, что в волнениях, потрясавших в последние годы Иран, повинны Советский Союз и коммунисты. Но этому не верит ни один честный человек — ни в самом Иране, ни за его рубежами. Плохи, значит, дела иранской реакции, если для подкрепления клеветы на Советский Союз им приходится сочинять несуществующие цитаты из несуществующей книги «Описание моей жизни» вроде нижеследующих: «Мне было ясно, что корреспонденты и издатели этих газет (далее следует длинный список иранских газет различных направлений.— **А. Л.**) — члены иранской компартии, что смуты, которые происходят в Тегеране или других местах, создаются партией «Тудэ» и другими подпольными организациями вроде «Общества сторонников мира».

Плохо приходится хозяевам, слуги которых должны, как это делают газеты «Посте Тегеран» и «Сетарее Ислам», утверждать, что в измышленной ими книге «приводятся документы, согласно которым Лахути намечался премьер-министром Ирана после его захвата Советским Союзом».

Когда я думаю обо всем этом происшествии, мое сердце, хотя это может показаться странным, наполняется радостью: если те, кто стремится посеять в иранском народе вражду и недоверие к Советскому Союзу, вынуждены прибегать к таким уловкам, значит, они не преуспели в своем грязном деле, значит, народ Ирана попрежнему видит в Советском Союзе не врага, а друга.

Что сказать о газетах, которые клевещут на Советский Союз? Народная мудрость гласит: «Если плюнешь в небо, плевок возвратится тебе в лицо».

Пока господа из продажной реакционной печати Ирана будут утираться, делая вид, что ничего не случилось, я хочу напомнить, что я, Абулькасим Лахути, действительно бежал из одной страны в другую. Я бежал из Ирана. Было это 31 год назад, и причиной, которая побудила меня покинуть родину, были преследования иранских реакционеров. Я живу и тружусь в Советском Союзе, стараясь своим поэтическим словом содействовать борьбе иранского народа за свою честь и национальную независимость, содействовать дружбе между народами, рассказать правду народам Востока о величии и счастье народов Советского Союза.

К иранскому народу я обращаю слова:

Узнать хочу, что ты коварству
 и злобе не внимаешь,
Хитросплетенья хищной своры
 бесстрашно разрушаешь,
Поток нечистый и тлетворный
 к себе не подпускаешь,
Чумы чураешься — на гибель
 себя не обрекаешь
И клевету на русских братьев
 с презреньем отвергаешь.

Я верю, что эти слова дойдут до иранского народа, ибо, как говорит иранская пословица: «Грязной полой лжи не заслонить чистое солнце правды».

Абулькасим ЛАХУТИ

Международная почта

ШИЛА В МЕШКЕ НЕ УТАИШЬ!

Датский институт по изучению общественного мнения провел во второй половине августа этого года широкий опрос населения. Целью этого мероприятия было выяснить, как относится датский народ к перспективе размещения иностранных войск на территории страны. Опрос закончился 23 августа, и общественность Дании с интересом ожидала сообщения о результатах. Но — странное дело! — прошла неделя, другая, третья, четвертая, пятая, а институт упорно отмалчивался. В его адрес начали поступать запросы.

Наконец, директор института г. Ревентлоу, почувствовав, что занятая им позиция становится уже совершенно неприличной, в середине октября опубликовал данные опроса. Оказалось, что большинство опрошенных датчан относится отрицательно к размещению иностранных войск на территории Дании. Именно этим обстоятельством и объяснялось стыдливое молчание г. Ревентлоу!

Сообщение о результатах опроса вызвало явное замешательство в редакциях некоторых копенгагенских газет. Так, например, «Берлингске тиденде», поняв, что в данном случае было бы нелепо отрицать простую истину, решила подвергнуть сомнению... умственные способности опрошенных. «Это еще вопрос,— заявила газета,— можно ли считать многочисленные отрицательные ответы выражением тщательно обдуманного мнения...»

А «Информашон» — самая «атлантическая» из всех датских газет и самая голосистая, когда речь заходит о преимуществах «просвещенной демократии», — высказала ту же мысль еще более откровенно. В передовой статье, подписанной буквой «s» (за ней скрывается редактор газеты Эрик Сайденфаден), «Информашон» призывает правительство не обращать внимания на «настроения в народе» и раздраженно заявляет, что внешняя политика Дании не должна определяться «опросом среди людей, которые не знают, да и не могут знать, о чем они говорят».

Ошибаетесь, г. Сайденфаден! Датский народ очень хорошо знает, о чем говорит, когда решительно протестует против американской оккупации страны, против участия в Атлантическом блоке, против военной истерии и гонки вооружений. Другое дело, что эти решительные требования вызывают приступы раздражения и ярости у людей, готовых распродать оптом и в розницу суверенитет Дании...

МЕДВЕЖЬЯ УСЛУГА

Американские планы насильственного «объединения» Западной Европы нашли благодатную почву в кругах австрийской реакции. Некоторые лица в Вене сочли момент подходящим для того, чтобы вытащить из мусорных корзин истории обветшалые мантии династии Габсбургов, и начали примерять этот пыльный реквизит на плечи заокеанских повелителей...

С тех пор, как зарубежная печать заговорила о новом американо-боннском проекте создания «Малой Европы» (на этот раз речь идет о федерации шести стран — Франции, Западной Германии, Италии, Бельгии, Голландии и Люксембурга), реакционные венские газеты стали частенько вспоминать о «блеске»... империи Габсбургов. Ненавистная европейским народам «лоскутная империя» Габсбургов, на протяжении столетий жестоко угнетавшая народы, подавлявшая национально-освободительное и революционное движение,— таков идеал, который рекламируется сейчас с помощью местных квислингов, как некий прообраз «объединенной Европы» под эгидой США!

Один из венских «центров», активно проповедующих «объединение» Европы, объявил даже, что он выпустит и распространит медаль с изображением... императрицы Марии-Терезии (1740—1780), являвшейся ярой выразительницей политики абсолютизма и национального угнетения. Решено это сделать, пишет прогрессивная австрийская газета «Эстеррейхише фольксштимме», так как «государство, которым правила Мария-Терезия, было образчиком и своего рода предтечей планируемой «объединенной Европы».

Не в меру ретивые прислужники американских империалистов оказали медвежью услугу своим хозяевам. Неумная затея с прославлением габсбургской монархии наглядно показала, что под видом «Малой Европы» подготовляется, как это отметила газета «Эстеррейхише фольксштимме», «конгломерат угнетенных народов, управляемых американскими господами или их приспешниками».

„ЧУДО" В СИРАКУЗАХ

Необычное оживление царит в итальянском городе Сиракузах. Открываются новые кафе; гостиницы переполнены; железнодорожные компании формируют дополнительные составы, объявляя о продаже билетов на льготных условиях. На улицах города расположились со своими лотками многочисленные торговцы; они предлагают покупателям открытки с изображением мадонны, пакетики с «чудотворной» ватой...

«Чудо» в Сиракузах стало источником наживы. На фото — **продажа якобы «освященных» открыток с изображением «плачущей мадонны».**

Снимок из западногерманского журнала «Ревю».

Что же, собственно, происходит в Сиракузах? Ответ краток: католическая церковь делает очередной бизнес.

Осенью этого года реакционная пресса Италии возвестила о «чуде» в Сиракузах: из глаз гипсовой статуэтки мадонны, прикрепленной над кроватью больной женщины, якобы потекли слезы... И завертелась машина церковного стяжательства и спекуляции на религиозных предрассудках.

Как сообщает итальянская газета «Унита», были созданы всевозможные «высококомпетентные» комиссии; «чудотворную» статуэтку мадонны выставили под стеклянным колпаком на центральной площади города. Ватикан не пожалел средств на рекламу сиракузского «чуда», и в город потянулись больные и калеки, жаждущие исцеления, любопытные.

Дело было поставлено на широкую ногу: монахи, с разрешения властей, продавали несчастным людям клочки ваты, будто бы омоченные слезами мадонны, а полицейские, в изобилии присланные в Сиракузы, наблюдали за тем, чтобы предприимчивые местные мальчишки, шнырявшие под ногами у прохожих, не сбывали точно такую же вату «контрабандой»... С утра до ночи над площадью гремел по радио голос диктора, призывавшего молиться об исцелении. А тем временем в руки сборщиков приношений текли и текли деньги.

Когда находившийся в Сиракузах корреспондент газеты «Унита» обратился в так называемую «комиссию по регистрации чудес» с просьбой указать хоть один конкретный случай «чудесного» исцеления, членораздельного ответа на этот вопрос он, конечно, не получил. Зато доктор Феррарини — представитель реакционной организации «Католическое действие» и член этой комиссии — раскрыл карты перед корреспондентом, цинично заявив, что церковь «имеет право воспользоваться случаем... для того, чтобы призвать массы католиков возлюбить бога; в наше время торжествующего материализма любовь к богу — явление очень редкое».

Плохи, видимо, стали дела католической церкви, если для укрепления своего престижа она в XX веке прибегает к такому примитивному надувательству!

Солдатам американских оккупационных войск в Западной Германии разрешено с 1 ноября 1953 года во внеслужебное время носить гражданскую одежду. (Из газет).

— Чорт возьми, я хотел бы понять, каким образом немцы все-таки узнают нас?!

Рисунок из немецкого журнала «Фришер винд».

МАККАРТИЗМ И ФУТБОЛ

Шведская газета «Ню даг» рассказывает, какой унизительной процедуре подверглись недавно игроки шведской футбольной команды «Дегерфорс» при отъезде в США.

В Гетеборге, пишет газета, футболисты должны были дважды являться в американское генеральное консульство. Дело не ограничилось только тем, что они дали клятву, что все сообщенные ими о себе данные и их подписи достоверны. У шведских футболистов потребовали также дать отпечатки пальцев, иными словами, выполнить то, что требуют от лиц, подозреваемых в каких-либо преступлениях. Тренеру команды «Дегерфорс» австрийцу Карлу Неши вообще было отказано в праве сопровождать команду в Америку якобы из-за отсутствия некоторых касающихся его сведений. Но действительная причина отказа, отмечает газета, иная: Неши внесен в список лиц, которым запрещен въезд в «страну свободы».

Можно улыбаться по поводу всего этого, пишет «Ню даг»; смешно даже подумать, что честные шведские ребята, любимым занятием которых является футбол, могут представлять какую-либо опасность для США. Однако эти факты показывают, как далеко зашел маккартизм.

Какой невероятный шум подняла бы пресса, продолжает газета «Ню даг», если бы, например, от игроков футбольной команды «Юргорден» потребовали дать отпечатки пальцев перед их отъездом этим летом в Советский Союз! Или если бы венгры выдвинули подобное же требование перед последним посещением их страны шведскими спортсменами. Но теперь, касаясь таких требований американцев к футболистам «Дегерфорс», буржуазные газеты пишут о них лишь как о «паспортных формальностях».

Шведские футболисты получили хорошую возможность ознакомиться с, мягко говоря, отталкивающими методами маккартизма, используемыми официальными представителями США.

Смесь

Под надзором «чулавитас». Как сообщает бюллетень «Нотисьеро де ла КТАЛ», издаваемый Конфедерацией трудящихся Латинской Америки, в Колумбии профсоюзы подвергаются строжайшему контролю со стороны властей. Профсоюзные собрания могут устраиваться только с разрешения министерства труда и согласия военного коменданта данного района. На всех собраниях присутствуют агенты тайной полиции — так называемые «чулавитас», которые не позволяют выходить за рамки повестки дня, санкционированной министерством труда, и, в частности, обсуждать вопросы, выдвигаемые рабочими.

Смертоносные «игрушки». Настоящие стилеты, ножи, кинжалы свободно продаются в лондонских магазинах игрушек и спортивных игр. Английская газета «Дейли геральд» указывает в связи с этим, что в Англии резко возросло число преступлений, совершенных несовершеннолетними. «Это мрачное напоминание о страшной для Лондона и других наших больших городов проблеме,— пишет газета,— проблеме банд, состоящих из юношей, отравленных чтением «комиксов», способных на кражи и грязные преступления, грабящих людей и прячущих в карманах свинцовые дубинки и ножи».

ПОПРАВКА

В № 136 «Литературной газеты», в статье «Дом и двор», допущена неточность. Во второй колонке, во втором абзаце снизу, следует читать:

«По сметам на внутридворовое благоустройство предусматривается в среднем около двух процентов стоимости с каждого кубического метра площади. Если учесть, что каждый метр стоит 200 рублей, а наши дома строятся в объеме от 25 до 100 тысяч и более кубических метров, то можно себе представить, какие огромные суммы, предназначенные на благоустройство дворов, остаются висеть на балансе строительных организаций».

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б03859.